

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Меры пресечения в системе уголовного судопроизводства»

Обучающийся

А.Е. Ульянов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, доцент, С.И. Вершинина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Общие положения об институте мер пресечения в уголовном процессе	7
1.1 Сущность и система мер уголовно-процессуального принуждения .	7
1.2 Меры пресечения как вид мер уголовно- процессуального принуждения.....	19
1.3 Процессуальные основания применения мер пресечения	26
Глава 2 Анализ отдельных мер пресечения.....	35
2.1 Заключение под стражу как наиболее строгая мера пресечения	35
2.2 Меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий.....	43
2.3 Процессуальная регламентация иных мер пресечения	49
Глава 3 Проблемы вопросы применения отдельных мер пресечения и предложения по их решения.....	60
3.1 Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде заключения под стражу.....	60
3.2 Проблема обеспечения прав участников процесса при применении мер пресечения	68
3.3 Предложения по дальнейшему развитию института мер пресечения	73
Заключение	81
Список используемой литературы и используемых источников	83

Введение

Актуальность исследования. Меры пресечения в уголовном процессе Российской Федерации представляют собой важный инструмент уголовно-процессуального принуждения, который используется для обеспечения наилучшего ведения расследования и справедливости судебного процесса. Эти меры направлены на то, чтобы ограничить возможные действия обвиняемого, которые могут помешать установлению истины в ходе следствия или суда.

Меры пресечения в уголовном судопроизводстве представляют собой процессуальные инструменты, направленные на достижение баланса между двумя фундаментальными задачами: обеспечением эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства, с одной стороны, и защитой конституционных прав и свобод личности – с другой. Их применение регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства и основывается на принципе соразмерности, предполагающем использование данных мер лишь в случаях действительной необходимости. Ключевым критерием применения мер пресечения является наличие обоснованных рисков, способных воспрепятствовать осуществлению правосудия. К числу таких рисков относятся: вероятность уклонения подозреваемого или обвиняемого от следственных органов и суда, возможность оказания незаконного воздействия на участников процесса (включая свидетелей, потерпевших и экспертов), а также опасность совершения дальнейших противоправных действий, направленных на сокрытие или фальсификацию доказательств. При этом избираемая мера пресечения должна быть минимально достаточной для нейтрализации указанных рисков, что исключает ее применение в формальном или избыточном порядке.

Таким образом, меры пресечения носят исключительно гарантийный характер и подчинены требованиям законности, обоснованности и

индивидуализации, что обеспечивает их соответствие принципам справедливого судебного разбирательства и уважения достоинства личности. Основным принципом, которому следует процесс применения мер пресечения, - это принцип пропорциональности и обоснованности. Принцип соразмерности мер пресечения предполагает, что их избрание и степень ограничения прав обвиняемого должны находиться в строгом соответствии с тремя ключевыми критериями: характером и степенью общественной опасности инкриминируемого деяния, индивидуальными характеристиками личности обвиняемого (включая его социальные связи, поведение в ходе следствия и судебного разбирательства, а также потенциальную склонность к противодействию правосудию), а также конкретными обстоятельствами уголовного дела. Данный подход исключает возможность применения избыточных или неадекватных мер принуждения, не обусловленных реальной процессуальной необходимостью.

Таким образом, судебные и следственные органы обязаны проводить тщательную оценку всех релевантных факторов, чтобы избранная мера пресечения не превращалась в неоправданно обременительное ограничение, выходящее за рамки достижения процессуальных целей. Это обеспечивает соблюдение баланса между интересами государства в эффективном расследовании преступлений и конституционными гарантиями защиты прав и свобод личности, включая презумпцию невиновности и право на справедливое судебное разбирательство.

Ключевым моментом является также временной аспект применения мер пресечения. Они не могут быть установлены на неопределённый срок и подлежат регулярному пересмотру. Это гарантирует, что применение меры будет продолжаться только тогда, когда это оправдано текущими обстоятельствами дела.

Актуальность темы исследования обусловлена теоретической и практической значимостью, так как преступность это прежде всего негативное социальное и правовое явление. Преступность является не только

национальной проблемой каждого отдельного государства, но и проблемой мирового масштаба. Зачастую для успешной и эффективной борьбы с преступностью необходимо международное сотрудничество государств и международных правоохранительных органов, поэтому были созданы нормы международного уголовного процесса.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в результате применения мер пресечения, регламентированных нормами уголовного процесса.

Предметом исследования выступают нормы российского уголовно-процессуального законодательства.

Целью данной работы является комплексное исследование видов мер пресечения в уголовном процессе.

Для успешной реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

- рассмотреть понятие и сущность мер уголовно-процессуального принуждения;
- охарактеризовать место мер пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения;
- обозначить цели, основания и условия применения мер пресечения;
- проанализировать такие меры пресечения как залог, домашний арест и заключение под стражу;
- выявить проблемы избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу;
- обозначить вопросы обеспечения прав личности при применении мер пресечения;
- представить перспективы развития института мер пресечения в уголовном процессе РФ.

Методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод научного познания, а также исторический, логический сравнительно-правовой, статистический и другие частные методы.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных ученых в области уголовно-процессуального права по теме исследования: А.Б. Диваева, А.О. Зайцева, Р.В. Орлова, а также зарубежных авторов [44], [45], [46], [47], [48].

Нормативной базой исследования являются международно-правовые акты, Конституция РФ, уголовно-процессуальное и уголовное законодательство, решения Конституционного Суда РФ. Также при написании выпускной квалификационной работы были учтены правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, приказы Генерального прокурора РФ, ранее действовавшее уголовно-процессуальное законодательство.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что результаты выпускной квалификационной работы могут содействовать последующему развитию уголовно-процессуального законодательства, а сформулированные предложения могут быть использованы при организации расследования по уголовным делам.

Структура и объем исследования обусловлены объектом, предметом, целью и задачами выпускной квалификационной работы и включает в себя введение, три главы, заключение, а также список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общие положения об институте мер пресечения в уголовном процессе

1.1 Сущность и система мер уголовно-процессуального принуждения

Уголовный процесс представляет собой регламентированную нормами уголовно-процессуального права деятельность компетентных государственных органов, направленную на установление объективной истины по уголовному делу, привлечение к ответственности виновных лиц и обеспечение неотвратимости наказания. Данная деятельность носит комплексный характер и включает в себя последовательно сменяющие друг друга стадии, начиная от возбуждения уголовного дела и заканчивая исполнением приговора. В рамках уголовного судопроизводства реализуется системное взаимодействие между субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование (к числу которых относятся органы дознания, следственные подразделения и иные правоохранительные структуры), и судебными органами, наделёнными исключительной компетенцией по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу. Данное взаимодействие носит процессуально регламентированный характер и направлено на достижение целей уголовного судопроизводства, включая всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, обеспечение законности принимаемых решений, защиту прав и законных интересов участников процесса, а также вынесение обоснованного и справедливого судебного акта, предусматривающего применение мер уголовно-правового воздействия в строгом соответствии с принципами соразмерности и индивидуализации наказания. Функциональная дифференциация между указанными субъектами, с одной стороны, и их процессуальная взаимосвязь, с другой, обеспечивают реализацию принципов публичности, независимости суда и состязательности сторон, что является

необходимым условием эффективного функционирования системы уголовной юстиции.

Особое значение в системе уголовного судопроизводства приобретают меры процессуального принуждения, представляющие собой систему юридически закрепленных ограничительных мер, применяемых к участникам процесса в целях обеспечения надлежащего хода предварительного расследования и судебного разбирательства. Эти меры классифицируются на три основные группы: меры пресечения, иные меры процессуального принуждения и принудительные меры медицинского характера. Их применение обусловлено необходимостью нейтрализации потенциальных угроз для уголовного процесса, включая возможность уклонения обвиняемого от правосудия, уничтожения доказательств, воздействия на участников процесса или продолжения преступной деятельности.

Меры процессуального принуждения выполняют несколько ключевых функций в уголовном судопроизводстве: превентивную (предотвращение возможных нарушений со стороны участников процесса), обеспечительную (создание условий для беспрепятственного осуществления следственных и судебных действий) и гарантийную (обеспечение реального исполнения судебных решений). При этом их применение строго регламентировано законом и подчинено принципам законности, обоснованности, соразмерности и индивидуализации, что исключает возможность произвольного ограничения прав и свобод личности.

Таким образом, меры процессуального принуждения представляют собой неотъемлемый структурный компонент механизма уголовного судопроизводства, выполняющий функционально значимую роль в обеспечении его нормативного функционирования. Их применение обусловлено необходимостью достижения баланса между публичными интересами государства, заключающимися в эффективном противодействии преступности, и частными интересами личности, гарантированными конституционными принципами защиты прав и свобод участников уголовного

процесса. Юридическая природа данных мер предполагает их исключительно вспомогательный характер по отношению к основным задачам уголовного судопроизводства, что предопределяет необходимость их строго соответствия критериям соразмерности, обоснованности и минимальной достаточности. В этой связи применение мер процессуального принуждения требует проведения всесторонней правовой оценки, включающей установление наличия достаточных фактических и юридических оснований, а также подтверждение невозможности достижения процессуальных целей посредством менее ограничительных мер воздействия. Указанный подход основывается на принципах целесообразности и минимальной необходимой интрузивности, что находит отражение в судебной практике и доктринальных положениях современной уголовно-процессуальной науки.

Виды мер процессуального принуждения в УПК РФ выделяются следующим образом:

- задержание подозреваемого,
- меры пресечения,
- иные меры процессуального принуждения.

При определении меры пресечения в уголовном судопроизводстве правоприменительные органы обязаны руководствоваться строгим соблюдением законодательно установленных критериев, что предполагает проведение всестороннего анализа совокупности факторов, характеризующих как объективную сторону рассматриваемого уголовного дела, так и субъективные характеристики личности обвиняемого. Данная процедура требует от следователей и судей осуществления комплексной оценки, включающей установление степени общественной опасности инкриминируемого деяния, анализ вероятности попыток обвиняемого воспрепятствовать производству по делу (путем сокрытия от органов следствия, уничтожения доказательств, воздействия на участников процесса), а также учет данных, свидетельствующих о социальных связях, семейном

положении и состоянии здоровья лица, в отношении которого избирается мера пресечения.

Особое значение в данном контексте приобретает принцип соразмерности, исключающий возможность применения избыточных ограничительных мер, не соответствующих конкретным обстоятельствам дела. В этой связи избрание наиболее строгих мер процессуального принуждения, в частности заключения под стражу в качестве меры пресечения, представляет собой исключительную процессуальную меру, допустимую лишь при наличии совокупности достаточных и достоверных данных, свидетельствующих о невозможности обеспечения надлежащего процессуального поведения обвиняемого (подозреваемого) посредством применения альтернативных, менее репрессивных мер пресечения. Данное положение вытекает из принципа соразмерности, закрепленного в уголовно-процессуальном законодательстве, и предполагает «обязательную оценку судом или следственным органом таких критериев, как тяжесть предъявленного обвинения, данные о личности обвиняемого, его социальные связи, а также потенциальная возможность воспрепятствования предварительному расследованию или судебному разбирательству. Нарушение указанных требований, выражающееся в необоснованном применении меры пресечения в виде заключения под стражу, не только вступает в противоречие с основополагающими принципами уголовного судопроизводства, включая презумпцию невиновности и право на свободу и личную неприкосновенность, но и создает существенные правовые последствия, заключающиеся в потенциальном признании таких процессуальных решений незаконными в ходе последующего судебного контроля» [22, с. 45]. Данный контроль осуществляется вышестоящими судебными инстанциями в рамках апелляционного или кассационного производства, что влечет за собой отмену или изменение оспариваемого судебного решения с соответствующими процессуальными последствиями,

включая возможное освобождение лица из-под стражи и применение иной, менее строгой меры пресечения.

Таким образом, процесс избрания меры пресечения должен основываться на тщательном анализе всей совокупности имеющихся в деле доказательств и обстоятельств, что обеспечивает соблюдение баланса между необходимостью эффективного расследования преступлений и незыблемостью гарантий защиты прав личности, закрепленных как в национальном законодательстве, так и в международных правовых актах в сфере защиты прав человека.

«Сущность мер уголовно-процессуального принуждения заключается в их двойственной природе, которая, с одной стороны, направлена на обеспечение эффективности уголовного преследования, а с другой – на соблюдение гарантированных законом прав и свобод личности. Эти меры представляют собой правовой инструментарий, призванный обеспечить баланс между публичным интересом государства в противодействии преступности и частным интересом индивида в защите от необоснованного ограничения его конституционных прав. Их применение основывается на принципах соразмерности, необходимости и достаточности, что предполагает строгую регламентацию оснований, условий и пределов использования принудительных мер в уголовном процессе» [12, с. 86].

Таким образом, меры уголовно-процессуального принуждения выполняют не только обеспечительную функцию в отношении задач расследования и судебного разбирательства, но и выступают в качестве правового механизма, минимизирующего возможные злоупотребления со стороны правоохранительных органов и суда. Их легитимность обусловлена необходимостью защиты общественных интересов при одновременном соблюдении принципов справедливого судебного разбирательства, включая презумпцию невиновности и право на защиту.

Эти меры применяются как исключительная мера, когда иные, менее строгие средства не способны обеспечить интересы правосудия. Применение

таких мер всегда основывается на законе и требует строгого соблюдения процедурных правил, чтобы минимизировать возможное воздействие на личные права и свободы человека.

Основой мер пресечения служат принципы законности и соразмерности, что гарантирует их применение в строго установленных законом рамках. Цели, которые ставятся перед мерами пресечения, заключаются в гарантировании присутствия обвиняемого в суде, предотвращении воздействия на свидетелей или улик и ограничении возможности повторного преступления.

Институт индивидуализации мер пресечения в уголовном судопроизводстве представляет собой важнейший механизм реализации принципа дифференциации уголовно-процессуального воздействия, обеспечивающий оптимальное соотношение между публичными интересами эффективного уголовного преследования и частноправовыми гарантиями защиты личности от необоснованных ограничений. Сущность данного института проявляется в обязательном учете совокупности объективных и субъективных факторов, включающих характер и степень общественной опасности инкриминируемого деяния, особенности личности обвиняемого (подозреваемого), его социальный статус, семейное положение, поведение в ходе предварительного расследования, а также потенциальную возможность воспрепятствования установлению истины по делу. Такой многофакторный анализ позволяет правоприменителю избирать меру пресечения, адекватную конкретным обстоятельствам уголовного дела, что исключает как неоправданную либеральность, так и чрезмерную репрессивность процессуальных решений. При этом ключевым критерием правомерности избираемой меры пресечения выступает принцип минимальной достаточности, предполагающий, что ограничение прав личности не должно превышать пределов, необходимых для обеспечения целей уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальной доктрине подозреваемый определяется как «процессуальный статус лица, в отношении которого существуют достаточные данные, позволяющие предполагать его причастность к совершению преступления. Основаниями для возникновения подозрения могут служить совокупность фактических обстоятельств, включая, но не ограничиваясь: обнаружение лица на месте преступления непосредственно в момент его совершения или в хронологической близости к преступному акту, наличие вещественных доказательств, связывающих индивида с противоправным деянием, показания свидетелей или потерпевших, а также иные сведения, имеющие значение для установления обстоятельств по делу» [19].

Важно подчеркнуть, что процессуальный статус подозреваемого носит предварительный характер и не предрешает вопрос о виновности лица, поскольку в соответствии с принципом презумпции невиновности любые сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Существующая система уголовного судопроизводства предусматривает механизмы проверки обоснованности подозрений посредством проведения комплекса следственных действий, направленных на сбор, проверку и оценку доказательств. В ходе данного процесса первоначальное подозрение может либо найти свое подтверждение и трансформироваться в обвинение, либо быть опровергнуто в результате установления алиби или иных обстоятельств, исключающих причастность лица к совершению преступления.

«Законодатель, осуществляя нормативное регулирование процедуры задержания подозреваемого в рамках уголовного судопроизводства, устанавливает детально формализованную систему юридических оснований для применения данной меры процессуального принуждения, что обусловлено необходимостью обеспечения баланса между эффективностью предварительного расследования и защитой конституционных прав личности» [12, с. 94].

Указанные основания носят исчерпывающий характер и подлежат строгому нормативному толкованию, исключающему расширительное применение. К числу таковых относятся, во-первых, ситуация непосредственного обнаружения лица в момент совершения уголовно наказуемого деяния или в хронологически близкий временной период после его окончания, что устанавливает очевидную процессуальную связь между индивидом и противоправными действиями. Во-вторых, основанием выступают достоверные показания потерпевших или очевидцев, содержащие конкретные указания на причастность определенного лица к совершению преступления, при условии, что такие показания подтверждаются совокупностью собранных доказательств. В-третьих, правомерность задержания обосновывается обнаружением на теле подозреваемого, его одежде, в принадлежащих ему предметах или в занимаемом им жилом помещении явных следов преступления, интерпретируемых как материальные доказательства, объективно свидетельствующие о возможной причастности к противоправному деянию. Установление данного нормативного перечня направлено на минимизацию субъективного усмотрения правоприменителя и обеспечение законности процессуальных решений на начальном этапе уголовного преследования.

При этом правоприменитель обязан строго соблюдать установленные законом временные рамки задержания и процедурные гарантии прав подозреваемого, включая право на защиту и незамедлительное уведомление о факте задержания.

Таким образом, институт подозреваемого в уголовном процессе выполняет двоякую функцию: с одной стороны, он служит инструментом обеспечения эффективности предварительного расследования, а с другой - содержит систему процессуальных гарантий, направленных на защиту прав лица, в отношении которого выдвинуто подозрение, но виновность которого еще не установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Прежде всего, необходимо выделить, что в соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. То есть задержание возможно только по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Если в санкции преступления нет наказания в виде лишения свободы, то задержание исключено.

«Содержание данной меры процессуального принуждения состоит в краткосрочной изоляции лица и его помещении в специально оборудованное помещение с тем, чтобы пресечь его дальнейшие преступные действия, а также создать надлежащие условия для собирания и проверки доказательств, подтверждающих причастность данного лица к совершению преступления. Принудительный характер задержания проявляется в том, что оно помимо своей воли лишается свободы передвижения» [4].

Таким образом, задержание подозреваемого - это временная процессуальная мера, которая позволяет обеспечить надзор за подозреваемым. Будучи задержанным, он не сможет скрыться от органов следствия или воспрепятствовать расследованию. При этом задержание может производиться только при наличии оснований и в порядке, предусмотренном УПК РФ.

«Меры пресечения, несмотря на их относительное разнообразие и неодинаковую степень использования принуждения, обладают несколькими общими отличительными признаками.

Во-первых, в отличие от задержания меры пресечения могут применяться только после возбуждения уголовного дела.

Во-вторых, они могут применяться только на основании специального мотивированного процессуального решения (постановления), которое вправе принять дознаватель, следователь или суд» [6].

Принудительная сущность мер пресечения в системе уголовного судопроизводства проявляется через их властно-императивную природу,

детерминированную публично-правовым характером уголовного процесса. Данная природа находит нормативное выражение в строго формализованной законодательной регламентации порядка применения указанных мер, предполагающей их реализацию исключительно компетентными государственными органами, наделенными соответствующими полномочиями в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Императивность мер пресечения проявляется в их обязательности для всех участников уголовного процесса, что обеспечивается механизмом государственного принуждения, включающим возможность применения санкций за неисполнение соответствующих процессуальных решений. Качественной особенностью рассматриваемого института выступает его строго персонифицированная направленность - меры пресечения могут применяться исключительно к субъектам, обладающим установленным уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, что вытекает из принципа индивидуализации уголовно-процессуального воздействия. Такая правовая определенность субъектного состава применения мер пресечения обусловлена необходимостью обеспечения эффективности уголовного преследования при одновременной защите основополагающих прав личности, гарантированных принципом презумпции невиновности, который исключает возможность применения мер процессуального принуждения к лицам, не вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства в качестве субъектов уголовной ответственности. Указанная диалектика публичных и частных интересов в применении мер пресечения отражает их двойственную правовую природу как инструмента обеспечения задач уголовного судопроизводства и одновременно гаранта защиты прав личности от необоснованных ограничений.

Процессуальная доктрина подчеркивает, что избрание конкретной меры пресечения требует от правоприменителя проведения многофакторного анализа, включающего оценку следующих ключевых аспектов: степени общественной опасности инкриминируемого деяния, данных о личности

обвиняемого (включая его социальные связи, поведенческие характеристики и возможность противодействия следствию), а также совокупности обстоятельств, характеризующих конкретное уголовное дело. Такой подход обеспечивает соответствие избираемой меры пресечения принципам соразмерности и индивидуализации, исключая возможность произвольного ограничения прав и свобод личности.

Современная тенденция развития уголовно-процессуального законодательства демонстрирует устойчивую направленность на расширение применения альтернативных мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. Данная трансформация обусловлена необходимостью оптимизации баланса между эффективностью уголовного преследования и минимизацией негативных социальных последствий для лиц, в отношении которых не установлена вина вступившим в законную силу приговором суда. Подобная практика, предполагающая использование мер пресечения, таких как подписка о невыезде, домашний арест или залог, позволяет сохранить необходимый уровень контроля за поведением обвиняемого, одновременно снижая карательную нагрузку на досудебных стадиях процесса и способствуя реализации принципа гуманизма в уголовном судопроизводстве. При этом сохраняется их обеспечительная функция, направленная на достижение целей правосудия и исполнение вынесенных судебных решений.

«Избрание мер пресечения должно быть основано на обстоятельствах дела и зависит от тяжести совершенного преступления и личности виновного, его отношения к совершенному преступлению. При избрании меры пресечения должен соблюдаться баланс между необходимостью обеспечения прав личности и надлежащим раскрытием преступления, и привлечением к ответственности виновных лиц.

Ключевым аспектом мер уголовно-процессуального принуждения является их временный характер и обратимость. Они предназначены для использования на определенном этапе уголовного процесса и должны быть сняты или отменены сразу после того, как исчезнут основания для их

применения. Это подчеркивает их функциональное предназначение как средства для достижения конкретных процессуальных целей, а не как наказание или мера социального контроля» [22, с. 45].

Таким образом, меры уголовно-процессуального принуждения отражают сложный баланс между обязанностями государства по обеспечению общественной безопасности и защите прав каждого гражданина. Их правильное применение требует тщательного рассмотрения всех обстоятельств дела, чтобы обеспечить справедливость и эффективность уголовного процесса.

В системе уголовного судопроизводства Российской Федерации институт мер пресечения занимает центральное место в механизме обеспечения эффективности правосудия и реализации принципа законности. Данные меры представляют собой комплекс юридически формализованных средств принудительного характера, функциональное назначение которых заключается в создании оптимальных процессуальных условий для всестороннего, полного и объективного рассмотрения уголовных дел. Как важнейший элемент системы уголовно-процессуальных гарантий, меры пресечения выполняют триединую функцию: во-первых, они обеспечивают надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого) в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, минимизируя возможность оказания им неправомерного воздействия на участников процесса; во-вторых, направлены на предотвращение попыток воспрепятствования установлению объективной истины по делу; в-третьих, служат средством превенции возможного совершения новых преступных деяний. Нормативная регламентация данного института в Уголовно-процессуальном кодексе РФ отражает баланс между необходимостью обеспечения эффективного уголовного преследования и соблюдением конституционных принципов уважения прав и свобод личности, что проявляется в установлении исчерпывающего перечня мер пресечения, четких

оснований и процедур их применения, а также системы судебного контроля за законностью соответствующих процессуальных решений.

1.2 Меры пресечения как вид мер уголовно- процессуального принуждения

В системе мер процессуального принуждения меры пресечения занимают центральное место, поскольку их перечень достаточно значителен и все они обеспечивают беспрепятственное проведение расследования, в условиях, когда подозреваемые или обвиняемый не может скрыться от органов следствия, либо помешать расследованию иным образом.

В рамках уголовно-процессуального принуждения меры пресечения функционируют как механизмы, которые позволяют временно ограничивать определенные права и свободы обвиняемых или подозреваемых в целях обеспечения их явки перед судом, а также для предотвращения возможных попыток оказать давление на свидетелей, уничтожить доказательства или совершить новые преступления. Это делает меры пресечения особенно важными в контексте защиты процессуальной правопорядка и укрепления доверия общества к справедливости судебных разбирательств.

«Все люди в РФ живут в сфере гарантированного конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, что означает, что никто не может нарушать соответствующие права человека, за исключением четко предусмотренных законом случаев. Указанные права отражаются в ст. 22 Конституции РФ, в которой отмечается, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [25, с. 55].

«Приведенное выше конституционное право соответствует ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, в которой указано, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, а в ст. 13 настоящей Декларации указано, что каждый человек имеет право свободно

передвигаться и выбирать себе жительство в пределах каждой страны» [11, с. 56].

Важность мер пресечения в данной системе обусловлена их функцией гарантирования исполнения уголовно-правовых требований. Благодаря им, суд и следствие могут осуществлять свои функции без препятствий, что является ключевым для достижения справедливости в рамках уголовного процесса. Они предоставляют возможность контролировать поведение обвиняемых, обеспечивая, таким образом, упорядоченное и справедливое проведение судебных и предварительных следственных процедур.

Исходя из того, что вопрос незыблемости права лица на его свободу мы буквально встречаем на первых страницах Конституции РФ (ст. 22) и в ст. 1 и ст. 13 одного из основных международных актов мира – Всеобщей декларации прав человека – это является свидетельством того факта, что и международное сообщество, которое поддерживает такую декларацию и российский законодатель относят такое право к категории одних из самых основных, которые могут принадлежать человеку. Поэтому, вполне логично считать, что ограничение такого права может быть только как крайняя мера, и произвола в этом вопросе ни в коем случае не допускается, такого подхода во многом придерживается российский законодатель, что проявляется в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, где указано, что «арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению».

В контексте уголовно-процессуального принуждения меры пресечения выполняют функцию обеспечения эффективного и безопасного проведения расследования. Они необходимы для того, чтобы минимизировать риск совершения новых преступлений, уклонения от судебного разбирательства или оказания давления на свидетелей и участников процесса.

«Для большинства людей, которые живут в соответствии с законом и его не нарушают, вышеупомянутое конституционное право не ограничивается в течение всей их жизни, однако в случае подозрения лица в совершении преступления, то есть подозрения совершения им общественно опасного

деяния, которое причинило или могло причинить ущерб интересам других субъектов, оно может попасть под действие ограничения своего права на свободу и личную неприкосновенность в рамках области уголовного процесса через применения к нему какой-то меры пресечения» [42, с. 58].

Ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность в сфере уголовного судопроизводства находит свое процессуальное воплощение в системе мер государственного принуждения, среди которых институт мер пресечения занимает особое место, представляя собой структурно дифференцированную совокупность правовых средств, варьирующихся по степени интенсивности воздействия на правовой статус личности. Данный институт характеризуется наличием четко выраженной иерархии мер пресечения - от наименее репрессивных (таких как подписка о невыезде и надлежащем поведении) до максимально строгих (в виде заключения под стражу), где выбор конкретной меры обусловлен принципом процессуальной соразмерности, требующим соответствия степени ограничения прав и свобод личности тяжести инкриминируемого деяния, обстоятельствам конкретного уголовного дела и индивидуальным характеристикам обвиняемого (подозреваемого). Применение каждой меры пресечения влечет качественно различный уровень ограничения конституционных прав, что проявляется в специфике правоограничений, налагаемых на лицо, в отношении которого избрана соответствующая мера, при этом интенсивность таких ограничений должна находиться в прямой пропорциональной зависимости от степени общественной опасности предполагаемого преступления и вероятности противодействия со стороны обвиняемого (подозреваемого) установлению объективной истины по уголовному делу. Указанная дифференциация отражает фундаментальный принцип минимально необходимого ограничения прав личности в уголовном процессе, согласно которому избираемая мера пресечения должна быть достаточной, но не чрезмерной для достижения процессуальных целей, что

обеспечивает баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой основных прав человека в правовом государстве.

Л.К. Трунова предлагает понимать под мерами пресечения «меры процессуального принуждения, применяемые уполномоченными на то должностными лицами в отношении обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого) и используемые при наличии оснований и условий в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством» [35, с. 18].

Возражая против отождествления мер пресечения с мерами уголовно-процессуального принуждения, несколько иное определение приводит И.А. Пикалова, по мнению которого «меры пресечения являются основной составляющей института мер уголовно-процессуального принуждения и представляют собой способ обеспечения деятельности правосудия в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, а их применение всегда сопряжено со значительным ущемлением прав и свобод лиц, подвергнутых уголовному преследованию» [25, с. 33].

Так или иначе, меры пресечения обладают следующими качественными характеристиками:

- «это наиболее значимая составная часть мер уголовно-процессуального принуждения;
- они избираются лишь в отношении обвиняемого, а в исключительных случаях – подозреваемого;
- допускаются только при наличии оснований и условий, предусмотренных УПК РФ;
- субъектами их применения являются дознаватель, следователь и суд;
- избрание мер пресечения всегда связано с ущемлением прав, свобод и законных интересов определенной категории лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства в качестве подозреваемого и обвиняемого» [20, с. 60].

Меры пресечения также соразмерны обвинениям, что значит, что степень и серьезность применяемой меры должны соответствовать степени риска, который представляет собой обвиняемый или подозреваемый. Это обеспечивает соблюдение баланса между необходимостью обеспечения общественной и личной безопасности и защитой прав и свобод личности, что является фундаментальным принципом правового государства.

Законодательные акты Российской Федерации описывают критерии, которые необходимо учитывать при выборе соответствующей меры пресечения. «В соответствии с нормами, изложенными в 99-й статье Уголовно-процессуального кодекса, при обсуждении вопроса о целесообразности наложения ограничений на лиц, обвиняемых в преступлениях, а также при определении их формы необходимо руководствоваться рядом факторов. К ним относятся серьезность обвинения, личные данные обвиняемого или подозреваемого, включая возраст, состояние здоровья, семейный статус, профессию, а также другие значимые аспекты. Такой подход позволяет обеспечить уникальность подхода к каждому индивидуальному случаю наложения ограничений» [11, с. 67].

В рамках уголовно-процессуального правоприменения избрание меры пресечения требует комплексного учета системы взаимосвязанных факторов, детерминированных спецификой конкретного уголовного дела и индивидуальными характеристиками лица, в отношении которого применяются ограничительные меры. Данный подход основан на принципе индивидуализации процессуального принуждения, исключающего возможность использования шаблонных решений и предполагающего проведение многоаспектного анализа персонифицированных обстоятельств.

К числу ключевых критериев оценки относятся антропометрические характеристики субъекта (возрастные особенности, состояние физического и психического здоровья), социально-экономические параметры (материальное положение, наличие иждивенцев, трудовой статус), а также потенциальные социальные последствия применения меры пресечения (влияние на семейные

отношения, профессиональную деятельность, социальную адаптацию). Особое значение приобретает анализ возможного деструктивного воздействия избираемой меры на жизненно важные условия не только самого обвиняемого, но и членов его семьи, что соответствует принципу гуманизации уголовного судопроизводства.

При этом необходимо отметить, что законодательно закрепленный перечень учитываемых обстоятельств носит открытый характер, поскольку нормативная регламентация не может априори охватить все возможные вариации жизненных ситуаций. Это обуславливает необходимость предоставления правоприменителю дискреционных полномочий по оценке экстраординарных факторов, которые, не будучи прямо указаны в законе, тем не менее обладают существенным значением для определения соразмерности и адекватности избираемой меры пресечения. Подобная правовая конструкция позволяет обеспечить оптимальное соотношение между требованиями эффективности уголовного преследования и необходимостью минимизации негативных последствий процессуального принуждения.

Процесс избрания меры пресечения представляет собой сложную многофакторную модель принятия процессуального решения, требующую от правоприменителя не только строгого следования нормативным предписаниям, но и способности к комплексной оценке непредусмотренных законодателем, но существенных для конкретного случая обстоятельств. Данный подход отражает современные тенденции развития уголовно-процессуальной политики, направленной на гармонизацию публичных и частных интересов в сфере уголовного судопроизводства.

Меры пресечения основываются на принципах законности, необходимости и пропорциональности. Они должны применяться строго по основаниям, предусмотренным законом, и не могут быть более обременительными, чем это требуется для достижения их целей. Это подчеркивает их вспомогательный, а не карательный характер в структуре уголовного процесса.

Меры пресечения в системе уголовного судопроизводства представляют собой важнейший процессуальный институт, выполняющий двуединую функцию: с одной стороны, они выступают в качестве необходимого инструмента обеспечения эффективности уголовного преследования, а с другой - служат гарантией соблюдения фундаментальных прав и свобод личности в ходе досудебного и судебного производства. Данный правовой механизм занимает центральное место в системе уголовно-процессуального принуждения, образуя вместе с другими процессуальными средствами (следственными действиями, мерами обеспечения гражданского иска, принудительными мерами медицинского характера) целостную систему гарантий, направленных на достижение целей правосудия при безусловном соблюдении принципов законности и справедливости.

Теоретико-правовой анализ рассматриваемого института позволяет констатировать, что меры пресечения выполняют несколько взаимосвязанных социально-правовых функций: превентивную (предотвращение возможных препятствий к установлению объективной истины по делу), обеспечительную (создание условий для надлежащего исполнения процессуальных решений) и охранительную (защита участников процесса от противоправных посягательств). Их рациональное применение способствует оптимизации уголовного судопроизводства, обеспечивая необходимый баланс между публичным интересом государства в эффективном противодействии преступности и частным интересом личности в защите своих конституционных прав.

При этом особое значение приобретает аспект социального доверия к правосудию, которое формируется в том числе через восприятие обществом справедливости применяемых ограничительных мер. Системное и обоснованное использование мер пресечения, соответствующее принципам соразмерности и индивидуализации, не только повышает эффективность уголовного судопроизводства, но и укрепляет авторитет судебной власти, способствуя тем самым легитимации правопорядка в целом. В этом контексте

институт мер пресечения выступает важным элементом правовой инфраструктуры современного государства, связывая в единую систему ценности правовой защиты, процессуальной экономии и гуманизации уголовного процесса.

1.3 Процессуальные основания применения мер пресечения

Меры пресечения, применяемые в рамках уголовного процесса Российской Федерации, служат многофункциональным инструментом, направленным на достижение ряда ключевых целей в процессе расследования и судебного разбирательства. Они обеспечивают надлежащее проведение судебных процедур, предотвращают возможность уклонения от правосудия и способствуют предотвращению новых преступлений. Важность этих мер состоит в том, чтобы гарантировать, что обвиняемый будет доступен для судебных заседаний, и в то же время, чтобы общественная безопасность оставалась неприкосновенной.

Основания для применения мер пресечения тесно связаны с потребностями обеспечения справедливости и эффективности судопроизводства. Они включают в себя такие аспекты, как степень риска совершения новых преступлений, вероятность воздействия на свидетелей или уничтожение доказательств, а также риск скрывания от органов правопорядка. Эти меры могут быть также обусловлены особыми обстоятельствами дела, например, когда имеется высокий риск общественного резонанса или особая тяжесть предъявленных обвинений.

«Существующая на современном этапе система мер пресечения справляется со стоящими перед ней задачами, обеспечивая должное поведение подозреваемых, обвиняемых в рамках уголовного судопроизводства. Органы, осуществляющие предварительное расследование, прокурор, суд имеют возможность выбирать из перечня предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер пресечения меру, позволяющую исключить

противодействие подозреваемого, обвиняемого успешному расследованию по уголовному делу» [18, с. 45].

Данный институт мер пресечения реализует комплекс обеспечительных функций, среди которых в доктринальном понимании можно выделить несколько ключевых аспектов.

Прежде всего, меры пресечения обеспечивают процессуальную гарантию надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства, выражающуюся в обеспечении обязательной явки подозреваемого или обвиняемого как в органы предварительного расследования, так и в судебные инстанции. Эта функция приобретает особую значимость в контексте реализации принципа неотвратимости ответственности за совершение преступных деяний.

Параллельно меры пресечения выполняют важную превентивную функцию, направленную на нейтрализацию потенциальных попыток оказания противоправного воздействия на участников уголовного процесса.

Особого внимания заслуживает обеспечительная функция мер пресечения, направленная на предотвращение продолжения преступной деятельности со стороны подозреваемого или обвиняемого. Эта функция реализует важнейший принцип уголовного права - принцип превенции, обеспечивая защиту общества от потенциально опасных посягательств.

Наконец, институт мер пресечения выполняет важную социально-правовую функцию предотвращения уклонения от правосудия, что особенно актуально в условиях глобализации и увеличения транснациональных преступных связей. Эта функция обеспечивает реализацию одного из фундаментальных принципов правового государства - принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление.

Таким образом, институт мер пресечения в системе уголовного судопроизводства обладает сложной, многоаспектной правовой природой, что обусловлено его полифункциональным характером и системообразующей ролью в механизме уголовно-процессуального регулирования. Данный

институт выполняет интегративную функцию, выступая одновременно как инструмент обеспечения эффективности уголовного преследования и как гарант соблюдения фундаментальных прав и свобод личности. Его системная значимость проявляется в способности обеспечивать оптимальное равновесие между публичными интересами правосудия, выражающимися в необходимости своевременного и полного раскрытия преступлений, и частноправовыми интересами защиты личности от необоснованных ограничений. Многофункциональность рассматриваемого института находит свое выражение в комплексе взаимосвязанных задач, включающих: обеспечение надлежащего поведения участников процесса, создание условий для объективного установления истины по делу, предотвращение возможного противодействия следствию, а также минимизацию рисков совершения новых противоправных деяний. При этом ключевой характеристикой института мер пресечения остается его способность поддерживать динамический баланс между эффективностью уголовного судопроизводства и соблюдением принципов правового государства, что достигается посредством строгой законодательной регламентации оснований, условий и пределов применения принудительных мер, системы процессуальных гарантий и механизмов судебного контроля. Такая правовая конструкция обеспечивает институту мер пресечения статус одного из важнейших элементов уголовно-процессуальной системы, выполняющего как обеспечительно-превентивную, так и правоохранительную функцию в механизме уголовного судопроизводства.

«Общие основания для избрания мер пресечения в уголовном процессе установлены ст. 97 УПК РФ. Согласно данной статье указанные меры могут быть применены, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;

- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» [36].

Применение мер пресечения осуществляется исключительно на основе судебного решения, кроме случаев, когда задержание осуществляется непосредственно в процессе совершения преступления или сразу после него. Мера пресечения должна быть соразмерной тяжести предъявленного обвинения и обусловленной реальной необходимостью обеспечения процессуальных требований.

Таким образом, «избрание меры пресечения должно быть обусловлено наличием одного или нескольких из указанных обстоятельств. Меры пресечения могут применяться лишь при наличии одного из установленных законом оснований, которые являются общими для всех мер пресечения. Иначе говоря, при отсутствии данных оснований не может быть применена ни одна из предусмотренных законом мер пресечения, даже самая мягкая из них (например, подписка о невыезде)» [33, с. 56].

В рамках уголовно-процессуальной доктрины и правоприменительной практики следует констатировать, что основания для избрания мер пресечения обладают универсальной природой и в большинстве случаев объективно присутствуют в ходе расследования уголовных дел. Проведенный анализ эмпирических данных и статистических показателей демонстрирует устойчивую закономерность, согласно которой в процессуальной деятельности практически неизбежно проявляется хотя бы один из системообразующих криминогенных факторов: во-первых, высокая степень вероятности уклонения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, от органов предварительного расследования и судебных инстанций, что находит подтверждение в значительном количестве зафиксированных случаев попыток сокрытия от правосудия; во-вторых, реально существующая угроза оказания противоправного давления на участников уголовного процесса. Указанные обстоятельства, будучи взаимосвязанными элементами единой

системы рисков, формируют объективные предпосылки для применения мер процессуального принуждения, что подтверждается как теоретическими исследованиями в области уголовного процесса, так и результатами мониторинга правоприменительной практики. При этом следует подчеркнуть, что универсальность оснований для избрания мер пресечения не отменяет необходимости их тщательной индивидуальной оценки в каждом конкретном случае с учетом принципов соразмерности и минимально необходимого ограничения прав личности.

В контексте уголовно-процессуального регулирования вышеуказанные обстоятельства объективно детерминируют необходимость применения мер пресечения как важнейшего институционального элемента системы процессуальных гарантий, обеспечивающих эффективное функционирование механизма уголовного судопроизводства. Нормативная регламентация данного института, закреплённая в УПК РФ, представляет собой комплексную дифференцированную систему мер процессуального принуждения, структурированную по принципу градации степени интенсивности правоограничений - от минимально репрессивных (подписка о невыезде и надлежащем поведении, предусмотренная статьей 102 УПК РФ) до максимально строгих (заключение под стражу в соответствии со статьей 108 УПК РФ).

Процесс избрания конкретной меры пресечения основывается на методологии многоаспектной оценки, включающей следующие ключевые параметры: криминологическую характеристику инкриминируемого деяния (категорию преступления, степень его общественной опасности, квалифицирующие признаки); антропологические и социальные характеристики личности обвиняемого (социально-демографический статус, наличие устойчивых социальных связей, семейное положение, состояние физического и психического здоровья); процессуальные риски (вероятность противодействия следствию, возможность оказания давления на участников процесса, опасность уничтожения доказательств); криминогенный потенциал

(степень вероятности продолжения преступной деятельности или совершения новых противоправных деяний). Указанная система оценочных критериев направлена на реализацию принципа индивидуализации процессуального принуждения, обеспечивающего баланс между эффективностью уголовного преследования и соблюдением гарантий защиты прав личности в соответствии с международными стандартами правосудия.

Такая дифференциация позволяет реализовать принцип соразмерности процессуального принуждения, обеспечивая баланс между эффективностью уголовного преследования и минимально необходимым ограничением прав и свобод личности. При этом законодательная конструкция предусматривает возможность изменения избранной меры пресечения по мере изменения обстоятельств, что соответствует принципу динамичности уголовного процесса.

По общему правилу, согласно ст. 101 УПК РФ «об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд - определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и основания для избрания этой меры пресечения. Залог, заключение под стражу и домашний арест применяются на основании судебного решения, иные меры пресечения - на основании постановления следователя, дознавателя» [21, с. 60].

«Как во всяком процессуальном решении, в постановлении, определении об избрании меры пресечения, в частности, указываются время, место и субъект его вынесения, фамилия, имя и отчество, возраст, место рождения обвиняемого, преступление с указанием статьи УК, в совершении которого он подозревается или обвиняется, предусмотренные законом основания и мотивы ее избрания. В резолютивной части решения об избрании мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу необходимо указывать срок, на который оно принято, дату окончания этого срока» [15, с. 102].

«Выбор конкретной меры пресечения осуществляется с учетом множества факторов, включая:

- личность подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, наличие постоянного источника дохода;
- характер и обстоятельства совершенного преступления;
- наличие жилья или иных социальных связей, которые могут влиять на решение о необходимости и типе меры пресечения» [15, с. 103].

«Наряду с вынесением постановления при избрании некоторых видов мер пресечения оформляются и другие документы - соответствующая подписка или протокол (подписка о невыезде, личное поручительство, протокол о принятии залога, сообщение командованию воинской части и т.п.). Меры пресечения в отношении подозреваемых могут быть избраны в исключительных случаях. При этом обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента фактического ограничения свободы. В противном случае мера пресечения подлежит отмене» [8, с. 130].

Условия применения мер пресечения включают строгое соблюдение законодательных норм и процедур. основополагающим принципом является необходимость и достаточность: меры не должны быть более строгими, чем требуется по обстоятельствам дела. Кроме того, должна соблюдаться пропорциональность меры обвинению, и она должна применяться в тех случаях, когда другие, менее строгие меры, не способны обеспечить соответствующие процессуальные гарантии.

В решении о применении конкретной меры пресечения ключевую роль играет судебная власть, которая должна основываться на доказательствах и аргументах, представленных сторонами. Судебное решение должно быть обоснованным и мотивированным, с четким указанием причин, по которым выбрана именно данная мера пресечения. Это подчеркивает принцип справедливости и прозрачности в уголовном судопроизводстве, а также учитывает права и законные интересы обвиняемого.

Подводя итоги проведенного исследования в рамках настоящей главы, следует сформулировать следующие принципиальные выводы: институт мер пресечения в системе уголовного судопроизводства представляет собой строго регламентированный правовой механизм, применение которого обусловлено наличием конкретных нормативно установленных оснований и подчинено достижению четко определенных процессуальных целей. К числу таких целей относится, во-первых, обеспечение условий для беспрепятственного и эффективного проведения предварительного расследования, что предполагает устранение возможных препятствий в собирании, проверке и оценке доказательств. Во-вторых, меры пресечения направлены на нейтрализацию потенциальных угроз в отношении участников уголовного процесса, включая свидетелей, потерпевших, экспертов и других лиц, способствующих установлению объективной истины по делу. В-третьих, данный институт призван гарантировать надлежащее процессуальное поведение подозреваемого или обвиняемого, исключая возможность уклонения от органов следствия и суда, продолжения преступной деятельности либо иного противодействия правосудию. При этом избрание конкретной меры пресечения всегда должно соответствовать принципам соразмерности, необходимости и достаточности, что обеспечивает баланс между публичными интересами эффективного уголовного преследования и частными интересами защиты прав и свобод личности в правовом государстве.

Меры пресечения в системе уголовного судопроизводства обладают дуалистической правовой природой, сочетая характеристики как мер процессуального обеспечения, так и мер процессуального принуждения. Их принудительный характер проявляется в императивном порядке применения независимо от воли подозреваемого или обвиняемого, что объективно влечет за собой ограничение определенного объема их конституционных прав и свобод. В этой связи особое значение приобретает принцип судебного санкционирования наиболее строгих мер пресечения, существенно

затрагивающих основные права личности, таких как заключение под стражу, домашний арест или залог.

Данная правовая конструкция отражает баланс между публичными интересами эффективного уголовного преследования и частными интересами защиты прав обвиняемого, что соответствует международным стандартам справедливого правосудия. Судебный порядок санкционирования наиболее строгих мер пресечения служит важным механизмом предотвращения произвольного ограничения прав личности на досудебных стадиях процесса, обеспечивая при этом необходимый уровень процессуальных гарантий.

При принятии решения о применении меры пресечения суд должен тщательно взвесить все обстоятельства, дабы избежать непропорционального ограничения свободы личности. Это важно не только для защиты прав обвиняемых, но и для поддержания доверия общества к системе уголовного правосудия, гарантирующей справедливость и законность процедур.

Глава 2 Анализ отдельных мер пресечения

2.1 Заключение под стражу как наиболее строгая мера пресечения

Среди всего спектра мер уголовно-процессуального принуждения именно заключение под стражу становится предметом наиболее пристального научного внимания специалистов в области уголовного процесса, что объясняется исключительной природой данной меры пресечения, характеризующейся максимальной степенью интрузивности в отношении основных прав и свобод личности. Интерес исследователей к этому институту детерминирован его парадоксальной правовой природой: с одной стороны, он представляет собой необходимое средство обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, с другой - воплощает наиболее радикальное ограничение конституционных гарантий личной свободы и неприкосновенности. Именно эта дихотомия между потребностями правосудия и защитой индивидуальных прав вызывает непрекращающиеся дискуссии в процессуальной доктрине, касающиеся поиска оптимального баланса между публичными и частными интересами. Особую актуальность данным исследованиям придает тот факт, что применение заключения под стражу сопряжено с существенными рисками необоснованного ограничения свободы личности еще до вынесения обвинительного приговора, что противоречит фундаментальным принципам презумпции невиновности и соразмерности процессуального принуждения.

А.С. Барабаш считает, что «заключение под стражу – это исключительная мера пресечения, применяемая по судебному решению к обвиняемому (подозреваемому) на основаниях и в порядке, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Отсюда, субъектом применения заключения под стражу может быть только суд ввиду того, что избрание анализируемой меры пресечения сопряжено с

существенным ограничением прав, свобод и законных интересов обвиняемого (подозреваемого)» [3, с. 12].

«Чтобы понять суть применения меры ограничения свободы, известной как арест, важно подчеркнуть, что индивидуум ограничивается в перемещении и доступе к личной защите до тех пор, пока не будет официально установлена его ответственность или отсутствие таковой посредством решения суда, которое приобретает окончательный статус» [3, с. 15].

Заключение под стражу как мера процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве требует четкого концептуального разграничения с институтом уголовного наказания, что обусловлено принципиальными различиями в их правовой природе и функциональном назначении. Данная мера пресечения носит исключительно превентивный и обеспечительный характер, будучи направленной на нейтрализацию потенциальных рисков, связанных с возможным противодействием обвиняемого (подозреваемого) установлению обстоятельств по уголовному делу.

Современная уголовно-процессуальная доктрина единодушно подчеркивает недопустимость смешения этих правовых категорий, что находит отражение в трудах ведущих процессуалистов, отмечающих, что сущностное отличие заключения под стражу от наказания заключается в его временном характере, условной природе и подчиненности задачам обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства, а не реализации целей уголовной ответственности. Такой подход соответствует международным стандартам в области защиты прав человека, которые, признавая необходимость применения данной меры в исключительных случаях, одновременно требуют строгого соблюдения принципов соразмерности и минимально необходимого ограничения прав личности в уголовном процессе.

Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ «любое наказание, в том числе и лишение свободы, применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения им новых

преступлений, а мера пресечения в виде заключения под стражу не должна иметь карательного характера, хотя по сути это не совсем справедливо, так как само по себе ограничение обвиняемого (подозреваемого) свободы в следственном изоляторе причиняет ему душевные, а зачастую и физические страдания» [31].

Дополнительным аргументом, подтверждающим предложенную дифференциацию между заключением под стражу как институтом уголовно-процессуального права и лишением свободы как институтом уголовного права, выступает институционально-организационный аспект, выраженный в различной ведомственной принадлежности и правовом статусе мест содержания соответствующих категорий лиц.

Этот организационно-правовой дуализм отражает фундаментальное различие в юридической природе рассматриваемых институтов: если заключение под стражу носит временный, процессуально-обеспечительный характер и направлено на достижение целей уголовного судопроизводства, то лишение свободы представляет собой форму реализации уголовной ответственности и преследует цели наказания, указанные в статье 43 Уголовного кодекса Российской Федерации. Разграничение мест содержания под стражей и мест отбывания наказания соответствует принципу дифференциации процессуального и материально-правового принуждения, что дополнительно подтверждает тезис о принадлежности этих институтов к различным отраслям права.

Таким образом, анализ ведомственной принадлежности и функционального назначения мест принудительного содержания лиц, подвергнутых различным видам ограничения свободы, служит весомым аргументом в обосновании их различной отраслевой принадлежности и подтверждает необходимость четкого разграничения процессуального заключения под стражу и уголовного наказания в виде лишения свободы как институтов, решающих принципиально разные задачи в механизме правового регулирования.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [39] обвиняемые и подозреваемые, заключенные под стражу, содержатся в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания.

«Режим содержания под стражей устанавливается Конституцией РФ, указанным законом, иными нормами и правилами, согласно которым образ их жизни в следственном изоляторе или изоляторе временного содержания определяется изоляцией от общества, отдельным размещением по камерам, охраной таких лиц, надзором за ними, внутренним распорядком дня, правовым положением обвиняемых, подозреваемых, а также администрации и сотрудников соответствующего учреждения. Лишение же свободы лиц, осужденных к такой мере наказания вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, исполняется колонией-поселением, воспитательной колонией, лечебным исправительным учреждением, исправительной колонией общего, строгого или особого режима либо тюрьмой (ч. 9 ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса РФ)» [37, с. 552].

В законодательстве Российской Федерации, а именно в Уголовно-процессуальном кодексе, выделяется особая роль следователя, который имеет право выдавать обязательные к выполнению указания органам расследования, включая распоряжения об аресте. Помимо этого, в статьях 394 и 398 УПК РФ также говорится об аресте, но уже в контексте Уголовного кодекса РФ, где он представляет собой форму наказания, предусматривающую изоляцию осужденного на период от одного до шести месяцев, подразумевающую строгое отделение от общества [38].

Детальный анализ представленных фактов подчеркивает необходимость глубокого рассмотрения темы, касающейся взаимосвязи между содержанием под стражей и применением меры пресечения в виде ареста, что позволит сформулировать адекватные заключения.

Как полагает В.С. Власов, исходя из такого критерия, как необходимость наличия определенных указанных в УПК РФ условий или их отсутствия возможно выделение:

- «мер пресечения, возможность избрания которых наделенными соответствующими полномочиями должностными лицами без каких-либо условий (меры в виде заключения под стражу, домашнего ареста, подписки о невыезде);
- мер пресечения, применительно к которым существует дополнительное условие, определяющее возможность их избрания (в виде согласия третьих лиц или самого лица, являющегося подозреваемым, обвиняемым на то, чтобы соответствующая мера была применена - в виде залога, личного поручительства, присмотра в отношении обвиняемого, не достигшего совершеннолетия, наблюдения командования воинской части)» [7, с. 14].

Данная классификация позволяет объяснить более частое применение в сопоставлении с прочими мерами пресечения заключения под стражу и подписки о невыезде и надлежащем поведении.

«Возможно выделение групп мер пресечения по характеру и содержанию, налагаемых правоограничений. Данные группы представлены:

- наблюдением командования воинской части, залогом, личным поручительством;
- присмотром в отношении обвиняемого, не достигшего совершеннолетия, подписки о невыезде и надлежащем поведении;
- домашним арестом;
- заключением под стражу» [1, с. 174].

В контексте увеличения строгости применяемых ограничений к лицам, находящимся под подозрением или обвинением, содержание под стражей выделяется как наиболее суровая форма вмешательства в основные права и свободы, как подчеркивается в правоведении. Это действие в значительной мере сужает рамки личных свобод, ставя его на вершину списка мер,

предпринимаемых в рамках судебного процесса. В отличие от других, менее строгих мер, которые не предполагают лишения свободы и влияют на человека скорее на психологическом уровне, арест отличается своим непосредственным и глубоким воздействием на жизнь обвиняемых или подозреваемых.

Когда человека помещают под арест, ключевым аспектом является лишение его возможности действовать свободно. Это делается с целью предотвратить любые его попытки мешать уголовному процессу, включая возможность уклонения от правосудия и продолжение заниматься незаконными действиями.

В системе мер процессуального принуждения заключение под стражу занимает особое положение, отличаясь от других мер пресечения (за исключением залога и домашнего ареста) особой процедурой своего применения, которая детально регламентирована нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 108 УПК РФ). Важнейшей процессуальной характеристикой данного института является исключительно судебный порядок как первоначального избрания данной меры пресечения, так и последующего обжалования соответствующего судебного решения, что обеспечивает дополнительные гарантии защиты прав личности от необоснованного ограничения свободы.

Применение данной меры пресечения влечет за собой принудительное помещение подозреваемого или обвиняемого в специализированные учреждения уголовно-исполнительной системы, к которым относятся прежде всего следственные изоляторы (СИЗО), а в исключительных случаях - иные помещения, временно приспособленные для этих целей и отвечающие установленным законом требованиям. В результате помещения в данные учреждения лицо приобретает особый правовой статус содержащегося под стражей, характеризующийся специфическим сочетанием прав, обязанностей и законных интересов. С одной стороны, задержанные сохраняют комплекс общегражданских прав (за исключением ограничений, непосредственно

вытекающих из факта изоляции), включая право на защиту, получение юридической помощи, обжалование действий администрации и др. С другой стороны, на них возлагаются строгие обязанности по соблюдению установленного режима содержания, включающего правила внутреннего распорядка, порядок свиданий, получения передач и корреспонденции. Правовое положение лиц, содержащихся под стражей, формируется на основе принципа баланса между необходимостью обеспечения изоляции и соблюдения прав человека, что соответствует международным стандартам обращения с заключенными (в частности, Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными ООН).

Режимные требования включают в себя комплекс ограничений и правил поведения, направленных на обеспечение изоляции, безопасности и надлежащего порядка в местах содержания под стражей.

«Верховный Суд РФ придерживается следующей точки зрения по поводу порядка рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Он не исключает участия в судебном заседании потерпевшего, его представителя, законного представителя, которые вправе довести до сведения суда свою позицию относительно избрания, продления, изменения, отмены меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также обжаловать судебное решение.

Потерпевший вправе лично участвовать в судебном заседании или довести до суда свою позицию через представителя или законного представителя. Исходя из положений части 6 статьи 108 УПК РФ явившимся в судебное заседание потерпевшему, его представителю или законному представителю суд должен разъяснить их права и обязанности и заслушать их мнение по рассматриваемому вопросу» [24].

В соответствии с частью 1 статьи 389.1 УПК РФ «потерпевший, его представитель, законный представитель вправе обжаловать судебное решение о мере пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого независимо

от того, принимали ли указанные лица участие в судебном заседании. Такое положение отвечает и нормам международного права. К примеру, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью закреплено, что судебные и административные процедуры должны обеспечивать пострадавшим в преступлениях возможность изложения и рассмотрения их мнений и пожеланий на определенных этапах судебного разбирательства в случаях, касающихся их личных интересов» [22, с. 84].

По результатам рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и с учетом мнения сторон судья вправе вынести одно из следующих постановлений:

- «об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу;
- об отказе в удовлетворении ходатайства (в данном случае судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных законом избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста);
- о продлении срока задержания (ч. 7 ст. 108 УПК РФ)» [26, с. 177].

В соответствии с ч. 8 ст. 108 УПК РФ, «постановление суда должно быть направлено лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, обвиняемому (подозреваемому) или потерпевшему и должно быть немедленно исполнено. После вынесения судьей постановления об отказе в избрании заключения под стражу повторное обращение в суд с ходатайством об избрании этой меры пресечения в отношении одного и того же лица по тому же уголовному делу допустимо лишь при появлении новых обстоятельств, обосновывающих необходимость заключения лица под стражу» [36].

Согласно ч. 9 ст. 108 УПК РФ, «постановление судьи о заключении под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение 3 суток со дня его вынесения с учетом особенностей, предусмотренных законом. В свою очередь, решение суда апелляционной

инстанции может быть обжаловано в кассационном порядке по правилам, установленным уголовно-процессуальным законодательством» [28, с. 20].

«Итак, заключение под стражу представляет собой одну из наиболее строгих мер пресечения в уголовном процессе Российской Федерации. Это решение принимается судом и применяется в случаях, когда другие менее строгие меры не способны обеспечить необходимые условия для проведения расследования и судебного разбирательства. Основанием для заключения под стражу могут служить доказательства того, что обвиняемый может скрыться, продолжить преступную деятельность, оказать давление на свидетелей или иным образом помешать правосудию.

В сумме представленных аргументов можно прийти к мнению, что установленные законодательством процедуры для определения предварительного содержания под стражей служат как защита от необоснованных ограничений свободы граждан, так и обеспечивают законность и обоснованность решений о взятии в заключение подозреваемых или обвиняемых. Тем не менее, нормативное урегулирование этой области требует дополнительной доработки и улучшения» [28, с. 22].

Важность соблюдения законности и обоснованности при выборе заключения под стражу подчеркивается необходимостью баланса между защитой общества и соблюдением прав и свобод личности. Суд должен регулярно пересматривать обоснованность продолжения содержания под стражей, учитывая все новые обстоятельства дела и возможность применения альтернативных мер.

2.2 Меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий

Домашний арест как мера пресечения используется в уголовном процессе Российской Федерации как альтернатива заключению под стражу. Эта мера «ограничивает свободу подозреваемого или обвиняемого, требуя от

него оставаться в пределах определенного жилого помещения в течение установленных судом часов или круглосуточно, за исключением случаев получения медицинской помощи или по другим серьезным причинам, санкционированным судом» [27, с. 65].

В рамках уголовно-процессуального регулирования института мер пресечения домашний арест представляет собой альтернативную меру процессуального принуждения, применяемую при отсутствии возможности избрания более мягких ограничительных мер.

Данное нормативное различие обусловлено менее репрессивным характером домашнего ареста как меры пресечения, сохраняющей для обвиняемого (подозреваемого) возможность находиться в привычной социальной среде, хотя и в условиях существенных ограничений свободы передвижения и коммуникаций. Таким образом, законодатель, устанавливая различные нормативные требования к применению данных мер пресечения, реализует принцип дифференциации процессуального принуждения в зависимости от степени ограничения конституционных прав личности.

«Применение домашнего ареста может сопровождаться дополнительными ограничениями, такими как запрет на определенные действия, например использование интернета, телефонной связи или других средств коммуникации, которые могут быть использованы для влияния на свидетелей или участников процесса, а также для продолжения преступной деятельности. Такие ограничения устанавливаются судом в зависимости от характера и обстоятельств дела, чтобы предотвратить возможное вмешательство в расследование и обеспечить его объективность. В отличие от заключения под стражу, мера пресечения в виде домашнего ареста характеризуется установлением ограничений, связанных не с полной изоляцией от общества, а с наложением запретов на определенные аспекты жизнедеятельности подозреваемого или обвиняемого. В соответствии с действующим законодательством, «данные ограничения могут включать в себя запрет на свободное передвижение за пределами места проживания, на

общение с определенными категориями лиц, а также на использование средств связи, включая интернет, почтовую и телеграфную корреспонденцию, что существенно сужает возможности коммуникации» [15, с. 82].

Нормативное закрепление ограничительных мер в рамках уголовного судопроизводства объективно предполагает существенное вторжение в сферу конституционно защищаемых прав личности, что находит непосредственное отражение в частичном ограничении действия положений статьи 23 Конституции Российской Федерации. Указанная конституционная норма, гарантирующая фундаментальные права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных форм коммуникации, а также на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, подвергается определенным ограничениям в рамках реализации мер процессуального принуждения. Такое ограничение конституционных прав, будучи необходимым элементом механизма уголовного преследования, тем не менее должно соответствовать строго установленным законодательным критериям: во-первых, оно может осуществляться исключительно на основании судебного решения; во-вторых, должно быть соразмерным преследуемым законным целям; в-третьих, ограничиваться временными рамками, необходимыми для достижения процессуальных задач. Данный подход основывается на конституционно-правовой доктрине, согласно которой любые изъятия из общего режима защиты основных прав и свобод допустимы лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, включая общественную безопасность и правосудие, что находит свое отражение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.

В отличие от домашнего ареста, заключение под стражу предполагает более жесткое ограничение прав, поскольку связано с лишением свободы и помещением в специализированное учреждение. Это влечет за собой не только ограничение личной неприкосновенности (ст. 22 Конституции РФ), но и автоматически приводит к существенному сужению возможностей

реализации права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Таким образом, степень вмешательства государства в частную сферу личности при применении заключения под стражу является значительно более высокой по сравнению с домашним арестом, что обусловлено самой природой данных мер процессуального принуждения.

Подход к применению домашнего ареста строится на четких юридических критериях и требует точного соблюдения законодательства. Суд должен учитывать множество факторов, таких как характер и обстоятельства преступления, личность обвиняемого, его семейное положение, здоровье и возможность влиять на свидетелей или участников процесса. Принятие решения о домашнем аресте сопряжено с анализом всех этих аспектов, чтобы обеспечить справедливость и адекватность применения данной меры.

Важность домашнего ареста возрастает в контексте стремления к гуманизации уголовного правосудия, предоставляя обвиняемым возможность оставаться в семейной и привычной домашней обстановке, что может снижать психологическое напряжение, связанное с уголовным преследованием, и способствовать более активной защите своих прав [43, с. 65].

«В то же время, строгость этой меры обеспечивается системой контроля за соблюдением условий домашнего ареста, включая возможное использование электронных средств надзора. Это помогает судебным органам эффективно мониторить соблюдение наложенных ограничений, что является критически важным для поддержания правопорядка и надлежащего проведения уголовного процесса» [34, с. 45].

Следует особо отметить, что институт принудительного содержания под стражей, будучи регламентированным действующим законодательством, выполняет системообразующую функцию в обеспечении правопорядка и реализует комплексное воздействие на различные аспекты уголовного судопроизводства. Научный анализ позволяет констатировать, что необоснованный отказ от применения данной меры пресечения при наличии

законных оснований способен повлечь существенные нарушения в механизме уголовно-процессуального доказывания. В частности, подобная ситуация может создать предпосылки для воспрепятствования процессу установления объективной истины по делу, что в свою очередь способно парализовать весь ход предварительного расследования.

Как следствие, подобные процессуальные нарушения могут привести к невозможности реализации одной из фундаментальных целей уголовного судопроизводства - обеспечения справедливого наказания виновных в совершении преступлений. Более того, деформация доказательственной базы вследствие несвоевременного применения меры пресечения может спровоцировать два взаимоисключающих, но одинаково недопустимых с точки зрения принципа справедливости последствия: с одной стороны, это может выразиться в безнаказанности действительного преступника, а с другой - создать условия для ошибочного привлечения к уголовной ответственности невиновного лица. Последнее обстоятельство особенно существенно, поскольку прямо противоречит конституционным принципам правосудия и международным стандартам в области защиты прав человека.

Существует высокая вероятность, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, может попытаться избежать участия в допросах, следственных мероприятиях и судебном разбирательстве. Это, в свою очередь, может привести к серьезным отрицательным последствиям, включая нарушение основополагающего принципа неизбежности наказания и осуществления справедливости в отношении преступника, усиление общественного недоверия к государственным институтам и увеличение уровня преступности из-за отсутствия возможности проведения профилактических мер среди лиц, избегающих ответственности.

В контексте предотвращения новых преступлений содержание под стражей выступает как эффективный инструмент, поскольку оно предотвращает возможность совершения преступлений за счет изоляции обвиняемого в условиях предварительного заключения.

«Применение содержания под стражей рассматривается только тогда, когда невозможно гарантировать адекватное поведение и отсутствие попыток уклонения от правосудия обвиняемого или подозреваемого с использованием более мягких ограничительных мер. Это решение подкрепляется строгими условиями, предусмотренными законодательством, чтобы удостовериться в его обоснованности. Отсрочка или отказ от применения содержания под стражей в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо серьезных или серьезных преступлений, может привести к риску повторного преступления со стороны этих индивидов.

Поэтому, учитывая вышесказанное, значение меры пресечения в виде заключения под стражу выражается в том, что оно является одним из императивных средств, которое применяет государство в лице уполномоченных органов для проведения полного и объективного расследования преступлений; предотвращения попыток уклониться от дознания, следствия и суда; профилактики совершения новых преступлений» [17, с. 56].

Институт домашнего ареста демонстрирует эволюционный характер развития современной правовой системы, отражая ее ориентацию на гуманизацию мер процессуального принуждения. В отличие от более жестких мер пресечения, данная форма ограничения прав позволяет минимизировать вмешательство государства в частную жизнь индивида, сохраняя при этом эффективность уголовного преследования. Такой подход соответствует принципу соразмерности ограничения прав, предполагающему применение наименее репрессивных мер, достаточных для достижения целей правосудия.

Таким образом, институт домашнего ареста в системе мер процессуального принуждения представляет собой значимый маркер эволюционного развития уголовно-процессуального права, отражающий его способность к гармоничному сочетанию эффективности уголовного преследования с современными международными стандартами защиты прав человека. Данная мера пресечения воплощает в себе концептуальный подход,

при котором применение государственного принуждения осуществляется с максимально возможным учетом принципов гуманизма и уважения человеческого достоинства, что соответствует положениям Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах. Такой балансирующий подход позволяет минимизировать негативные социальные последствия изоляции обвиняемого (подозреваемого), сохраняя при этом эффективный механизм процессуального принуждения, что свидетельствует о развитии отечественной уголовно-процессуальной системы в русле современных тенденций гуманизации правосудия и совершенствования гарантий прав личности в условиях ограничения свободы.

2.3 Процессуальная регламентация иных мер пресечения

В теории уголовного судопроизводства единого подхода к понятию залога нет, так как, этот инструмент пришел в уголовный процесс РФ из других отраслей права, где его применение имеет значительную историю.

«Официальное определение залога, как меры пресечения содержится в ст. 106 (ч. 1) УПК РФ. В соответствии с данной статьей залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства - в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений. Залог может быть избран в любой момент производства по уголовному делу» [40, с. 15].

В основе законодательной работы лежат две ключевые задачи, связанные с применением определенных ограничительных мер. Эти задачи

включают в себя гарантирование присутствия лица, находящегося под подозрением или уже обвиняемого, в учреждениях, осуществляющих предварительное следствие или ведущих судебные процессы, а также предотвращение новых преступлений. Однако некоторые эксперты считают, что перечень возможностей таких ограничительных мер нередко искусственно расширяется. Примером такого расширения является позиция А.В. Гриненко, которая включает в функции залога действия, выходящие за рамки его прямого назначения, например исполнение приговора, удовлетворение требований по гражданским искам, возникшим в процессе судебного разбирательства, взыскание штрафов, определенных судом в качестве наказания, а также покрытие судебных расходов и другие аспекты [10, с. 25].

Вопрос использования финансового обеспечения в качестве одного из методов воздействия в правовой практике многих государств заслуживает особого внимания из-за его значительных преимуществ по сравнению с альтернативными подходами. В частности, данный метод позволяет обвиняемым сохранять возможность заниматься профессиональной деятельностью, не ограничивая их в личной свободе. Это обстоятельство снимает с государства финансовую нагрузку, связанную с необходимостью содержания лиц в местах предварительного заключения. Более того, такой подход дает возможность обвиняемым не только продолжать зарабатывать на жизнь для себя и своих близких, но и компенсировать ущерб, причиненный их действиями, включая моральный вред.

В реальности, использование залога как инструмента в юридической практике оказывается удивительно недостаточным, причем он заметно отстает от других принудительных методов, таких как обязательство о не выезде за пределы страны и временное содержание под стражей. Мнение ряда экспертов указывает на то, что этот недостаток связан с отсутствием глубокого анализа проблемы и препятствиями, возникающими при попытке внедрения. Основные трудности заключаются в нечеткости терминологии, используемой законодателями, и в комплексности процедуры формализации. В общем, залог

в контексте обсуждаемых юридических отношений представляет собой ключевой инструмент принудительных мер, гарантирующий законность процесса судебного разбирательства.

Эта процедура выделяется среди прочих своей уникальной способностью поощрять законопослушность у лиц, находящихся под следствием или обвиняемых, путем вовлечения их финансовых интересов, при этом не затрагивая их право на свободу. Важно подчеркнуть, что использование внесения залога как способа обеспечения порядка представляется наиболее сбалансированным решением в случаях, когда речь идет о преступлениях легкой или средней степени серьезности.

Когда процессуальное решение о выборе этой меры пресечения разрабатывается, ключевым аспектом является анализ характера преступления и его уровня угрозы обществу, личных данных обвиняемого или подозреваемого, а также финансовое состояние того, кто предоставляет залог.

Лицо, предоставляющее залог, может быть не только непосредственным участником процесса, но и внешним обеспечителем, которому необходимо тщательно объяснить юридические последствия, связанные с неисполнением или неполным исполнением обязательств, а также детали обвинения, что стало причиной применения данной меры пресечения.

Если залог выбирается в качестве замены других ранее использованных мер пресечения, то они остаются в силе до тех пор, пока не будет выполнено условие о внесении соответствующей суммы на специальный счет в суде, что определено ответственным органом.

Преимущество использования залога в качестве меры пресечения заключается в возможности государства экономить значительные ресурсы, которые иначе уходили бы на содержание соответствующих учреждений, задействованных в процессе уголовного судопроизводства, при этом не прибегая к мерам, ограничивающим личную свободу.

Из опыта работы правоохранительных органов следует, что огромное количество лиц, находящихся под следствием или уже обвиненных,

становятся объектами поиска после того, как в отношении них было решено ограничение на выезд за пределы региона.

Приведем пример судебной практики. Постановлением Ленинского районного суда г. Ульяновска от 25 января 2018 года мера пресечения в отношении Елошвили З.В. в виде содержания под стражей изменена на залог в размере 1500000 рублей с наложением на обвиняемого обязанностей в течение срока действия залога не уклоняться от явки по вызовам следователя или суда, уведомлять следователя или суд об изменении места жительства и работы, о выездах за пределы муниципального образования «г. Ульяновск». 17 мая 2019 года Ленинским районным судом г. Ульяновска постановлен обвинительный приговор в отношении Елошвили З.В. с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 13 лет 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Мера пресечения в виде залога Елошвили З.В. изменена на заключение под стражу. Елошвили З.В., находившийся под залогом, в назначенное для оглашения приговора время - 17 мая 2019 года, не явился, его местонахождение судом установлено не было, в связи с чем по постановлению суда он объявлен в розыск. Кроме того, из представленных сведений в суд апелляционной инстанции из Управления по Ямало-Ненецкому автономному округу ФСИН России от 5 ноября 2019 года осужденный Елошвили З.В. до настоящего времени не задержан, проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление его местонахождения. Таким образом, Елошвили З.В. нарушил принятые на себя обязательства в период действия залога в качестве меры пресечения, скрывшись от суда. Проанализировав указанные обстоятельства, суд верно пришел к выводу о необходимости обратить в доход государства залог в размере 1 500 000 рублей, внесенный за Елошвили З.В. залогодателем Е*** А.Б. на депозитный счет следственного управления следственного комитета России по Ульяновской области. Доводы жалобы о том, что осужденный не смог явиться в судебное заседание 17 мая 2019 года по уважительной причине из-за госпитализации в лечебное учреждение, какими-

либо достоверными данными не подтверждены, таковые отсутствуют у залогодателя, в связи с чем суд апелляционной инстанции не принимает их во внимание [2].

Итак, хочется подчеркнуть, что введение залога как средства ограничения представляет собой эффективный метод для государственного бюджета в плане сокращения расходов, предназначенных для поддержания должного уровня жизни заключенных и финансирования системы исправительных учреждений в целом. В этом контексте игнорирование условий залога приводит к экономическим потерям для всех участников процесса. Важно осознавать, что применение наказаний за деяния, угрожающие общественной безопасности в меньшей степени, может обходиться государственной казне в значительные суммы. С этой точки зрения, в ряде стран судебная власть при вынесении вердикта сталкивается с вопросом о том, насколько они учитывают «задачу», которую должно выполнять их решение.

Рассмотрим также личное поручительство как меру пресечения в процессуальном праве.

Личное поручительство как мера пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации представляет собой институт уголовно-процессуального принуждения, сущность которого заключается в принятии на себя физическими лицами (поручителями) юридически значимых обязательств по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) в досудебных стадиях процесса. Данная мера пресечения, регламентированная нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, имеет своей правовой природой особый доверительный характер отношений между правоприменительным органом и поручителем, что обуславливает ее специфику в системе мер процессуального принуждения.

Следует отметить, что эффективность данной меры пресечения непосредственно зависит от авторитета и социального статуса поручителей, их способности реально влиять на поведение обвиняемого, что подчеркивает

социально-правовой характер института личного поручительства. В отличие от иных мер пресечения имущественного характера (таких как залог), личное поручительство основывается преимущественно на морально-этических обязательствах и социальных связях между поручителем и обвиняемым, что делает его уникальным инструментом уголовно-процессуального регулирования.

Личное поручительство несет в себе гуманный характер и применяется в случаях, когда существует уверенность в том, что обвиняемый не будет уклоняться от правосудия, воздействовать на свидетелей или уничтожать доказательства. Эта мера часто используется в ситуациях, когда обвиняемый имеет положительные характеристики, поддержку со стороны сообщества и крепкие социальные связи, которые снижают риск его нежелательного поведения.

Кроме личного поручительства, уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает и другие меры пресечения, каждая из которых направлена на решение определенных задач в рамках процессуальной динамики. В уголовно-процессуальной практике выбор меры пресечения представляет собой сложный и многоаспектный процесс, требующий тщательного анализа совокупности факторов. При осуществлении процессуального выбора конкретной меры пресечения правоприменительные органы обязаны руководствоваться принципом индивидуализации, который представляет собой методологическую основу для принятия обоснованного и справедливого решения в условиях уголовного судопроизводства. Данный принцип предполагает проведение комплексного анализа как объективных параметров уголовного дела (квалификация деяния, степень его общественной опасности, характер и размер причиненного вреда), так и субъективных характеристик личности обвиняемого (социально-демографические показатели, психофизиологические особенности, нравственный облик и поведенческие паттерны). Особую значимость в процессе принятия решения приобретает прогностическая оценка потенциальных рисков процессуального

характера, к которым относятся: вероятность рецидива преступного поведения; намерение уклониться от органов предварительного расследования или судебного разбирательства; возможность оказания неправомерного воздействия на участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, экспертов); опасность фальсификации или уничтожения вещественных доказательств. Указанные факторы риска подлежат оценке не как изолированные элементы, а в качестве взаимосвязанных компонентов единой системы, при этом особое внимание уделяется анализу корреляционных связей между тяжестью инкриминируемого деяния и личностными характеристиками обвиняемого (возраст, социальный статус, состояние здоровья, семейное положение, наличие постоянного места жительства, трудовой занятости). Такой многофакторный анализ позволяет сформировать объективную основу для принятия процессуального решения, соответствующего критериям необходимости, соразмерности и достаточности, что в конечном итоге способствует достижению оптимального баланса между публичным интересом эффективного уголовного преследования и частным интересом защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, в полной мере реализуя требования принципа справедливого правосудия, закрепленного в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При избрании таких мер пресечения как поручительство или присмотр за несовершеннолетним подозреваемым невыполнение обязанностями лицами своего процессуального статуса предполагает возможность наступления дифференцированной процессуальной ответственности в пределах, ее предусматривающих ст. ст. 103 и 105 УПК РФ. «Залогодатель же отвечает за ненадлежащее поведение обвиняемого или подозреваемого имуществом или денежными средствами, внесенными в качестве залога.

Иные меры процессуального принуждения характеризуются тем, что могут быть применены в случае необходимости не только к подозреваемому и обвиняемому, но и к иным участникам уголовного процесса. К тому же,

правоограничения, накладываемые этими мерами не столь существенны, как при задержании или при избрании мер пресечения. Они направлены в большей степени на обеспечение беспрепятственного расследования уголовного дела. В том случае, когда необходимо обеспечить явку того или иного участника процесса или обеспечить сохранность имущества» [11, с. 42].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) иные меры процессуального принуждения систематизированы в отдельной главе, где представлена их классификация и регламентированы условия применения. Данные меры носят принудительный характер и направлены на обеспечение надлежащего хода предварительного расследования и судебного производства по уголовному делу.

Целью введения иных мер процессуального принуждения является предотвращение возможных процессуальных нарушений, включая уклонение от явки в следственные органы или суд, уничтожение доказательств, оказание давления на участников процесса, а также иные формы противодействия расследованию. Их применение осуществляется в строгом соответствии с принципами законности, соразмерности и обоснованности, что исключает произвольное ограничение прав и свобод личности без достаточных процессуальных оснований.

Таким образом, иные меры процессуального принуждения представляют собой важный инструмент обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, способствующий достижению его целей при соблюдении баланса между интересами государства и защитой прав участников процесса.

«Одни меры процессуального принуждения являются последствием нарушения процессуальных норм - процессуальной ответственностью нарушителя: привод, наложение денежного взыскания за неисполнение процессуальных обязанностей или за нарушение порядка в судебном заседании. Другие носят предупредительный характер, их применение связано с предотвращением возможного в будущем нарушения процессуального

порядка: обязательство о явке, наложение ареста на имущество, временное отстранение от должности» [12, с. 23].

Обязательство о явке — это письменное обязательство потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а в случае перемены места жительства незамедлительно сообщать об этом. Применяется с целью обеспечения явки указанных лиц для производства следственных действий или для проведения судебного разбирательства. «Его сущность состоит в том, что обвиняемый (подозреваемый) дает письменное обязательство являться по вызовам и сообщать незамедлительно о перемене своего места жительства. Лицо, давшее такое обязательство, вправе сохранять обычный уклад жизни, по своему усмотрению менять место жительства, однако должно об этом ставить в известность орган расследования или военный суд, поскольку может в любой момент потребоваться в связи с производством по уголовному делу» [14, с. 29].

«Привод состоит в принудительном доставлении лица к следователю, дознавателю или в суд. Применяется в случае неявки по вызову к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему или свидетелю. Привод производится органами дознания на основании постановления дознавателя, следователя, а также судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов - на основании постановления суда» [13, с. 90].

В уголовно-процессуальном законодательстве временное отстранение от должности как мера процессуального принуждения реализуется исключительно на основании судебного решения, принимаемого в форме постановления. Инициация данной процедуры осуществляется посредством ходатайства, исходящего от уполномоченных должностных лиц – следователя или дознавателя, осуществляющих производство по уголовному делу. Судебный порядок применения рассматриваемой меры обусловлен необходимостью обеспечения конституционных гарантий защиты прав личности, в частности, права на свободное распоряжение своими

способностями к труду, закрепленного в статье 37 Конституции Российской Федерации.

Роль суда в данном процессе заключается не только в формальной проверке законности ходатайства, но и в осуществлении взвешенной оценки обоснованности и соразмерности ограничения профессиональной деятельности обвиняемого (подозреваемого) в контексте конкретных обстоятельств дела. Суд, выступая в качестве независимого арбитра, обязан учитывать как потенциальные риски, связанные с оставлением лица в должности (возможность воспрепятствования следствию, продолжения противоправных действий), так и степень возможного ущерба его профессиональной и социальной реализации. Таким образом, судебный контроль служит важным механизмом предотвращения необоснованного и произвольного ограничения трудовых прав, обеспечивая баланс между интересами уголовного преследования и защитой фундаментальных прав личности.

«В соответствии со ст. 115 УПК РФ для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества производится наложение ареста на имущество. Эта мера применяется по постановлению суда. Решение суда о применении данной меры процессуального принуждения принимается по ходатайству следователя, дознавателя. Наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение. Арестованное имущество может быть изъято либо передано по усмотрению лица, производившего арест, на хранение собственнику или владельцу этого имущества либо иному лицу, которые должны быть предупреждены об ограничениях, которым подвергнуто арестованное имущество, и ответственности за его сохранность, о чем делается соответствующая запись в протоколе» [16, с. 67].

В российском законодательстве запрет определенных действий является одной из форм уголовно-процессуального принуждения, которая предусмотрена для обеспечения целостности процесса расследования и судебного разбирательства. Этот вид меры пресечения направлен на предотвращение действий, которые могут нанести вред процессуальной справедливости, включая вмешательство в сбор доказательств, оказание давления на свидетелей или жертв, а также другие попытки обойти закон и процессуальные нормы. «Сущность запрета определенных действий заключается в ограничении свободы обвиняемого или других лиц в определенных аспектах их деятельности. Например, может быть наложен запрет на посещение определенных мест или общение с определенными лицами, что особенно актуально в случаях, когда существует опасность воздействия на свидетелей или угроза повторного совершения преступления» [17, с. 56].

Важно отметить, что применение запрета определенных действий должно сопровождаться мерами по контролю за его исполнением. Это включает в себя возможность проверки соответствия поведения лиц, на которых наложены ограничения, установленным правилам. Нарушение этих условий может повлечь за собой дополнительные санкции или пересмотр меры пресечения в сторону ужесточения.

Глава 3 Проблемы вопросы применения отдельных мер пресечения и предложения по их решения

3.1 Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде заключения под стражу

Избрание и продление меры пресечения в виде заключения под стражу в Российской Федерации порождает ряд проблем и вызывает обширные дискуссии как среди правозащитников, так и в юридическом сообществе. Этот вопрос затрагивает основные права человека и требует аккуратного баланса между необходимостью обеспечения безопасности общества и защиты индивидуальных свобод. Одной из основных проблем является риск необоснованного применения данной меры. Нередки случаи, когда заключение под стражу выбирается в качестве предпочтительной меры без достаточных на то оснований или вопреки принципу пропорциональности. Это может привести к ненужному ограничению свободы человека, особенно когда могут быть применены более мягкие меры, такие как домашний арест или залог.

«Важной гарантией прав человека, подвергнутого уголовному преследованию, являются законно установленные сроки его содержания под стражей. Сроки должны отвечать таким критериям, как достаточность для успешного проведения предварительного расследования и рассмотрения дела в суде, а также недопущение излишне длительного содержания, обвиняемого под стражей, которое, по мнению Р.В. Орлова, может расцениваться как попытка, представляющая собой способ добывания признаний» [32, с. 80].

«Срок содержания под стражей – это процессуальный институт, назначением которого является:

- сведение к минимуму время пребывания лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в местах предварительного заключения;

- гарантированность обществу скорейшего достижения целей уголовного судопроизводства;
- дисциплинированность стороны обвинения и суда, так затягивание предварительного расследования, судебного разбирательства обусловлено нераспорядительностью конкретных дознавателей, следователей, прокуроров, судей и их многочисленных руководителей» [41, с. 194].

Нормативное регулирование сроков содержания под стражей осуществляется в рамках общих положений о процессуальных сроках, закрепленных в УПК РФ, что подчеркивает их взаимосвязь с другими временными параметрами уголовного судопроизводства. Законодатель дифференцирует начальный срок применения данной меры пресечения, условия и пределы его возможного продления в зависимости от стадии процесса, сложности уголовного дела, а также иных значимых обстоятельств.

Таким образом, регламентация сроков содержания под стражей в главе 17 УПК РФ представляет собой целостную систему правовых норм, направленных на оптимизацию уголовно-процессуальной деятельности при одновременном предотвращении необоснованного ограничения свободы личности.

Помимо общих норм, специальное регулирование данного вопроса осуществляется положениями статей 100, 109 и 224 УПК РФ, детализирующих особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу на различных стадиях досудебного производства. Такое многоуровневое нормативное регулирование обеспечивает баланс между необходимостью эффективного расследования преступлений и недопустимостью чрезмерного ограничения прав личности в уголовном процессе.

«Уголовно-процессуальный закон устанавливает следующие сроки содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых:

- до 10 суток – содержание под стражей подозреваемого (ч. 1 ст. 100 УПК РФ);

- до 45 суток – в отношении лиц, подозреваемых в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 209, 210, 210.1, 277, 278, 279, 281, 360 и 361 УПК РФ (ч. 2 ст. 100 УПК РФ).
- до 2-х месяцев – содержание под стражей обвиняемого в обычных условиях (ч. 1 ст. 109 УПК РФ)» [36].
- Также, учитывая, возможность их продления:
- «до 6 месяцев – в отношении обвиняемого в случае, если не представляется возможным окончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения (ч. 2 ст. 109 УПК РФ);
- до 12 месяцев – в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также в случаях особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для избрания этой меры пресечения (ч. 3 ст. 109 УПК РФ);
- до 18 месяцев – в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений (ч. 3 ст. 109 УПК РФ)» [36].

В качестве примера можно привести ситуацию, когда заместитель государственного обвинителя утвердил решение детектива о необходимости увеличения периода задержания индивида П. на дополнительные два месяца, что в сумме составляет семь месяцев и семь дней. Это решение было принято на основании того, что для завершения расследования в установленные сроки не хватает времени из-за необходимости выполнения определённых следственных и судебных процедур. Решение о продлении ареста было аргументировано тем фактом, что первоначальные основания для взятия П. под стражу остаются неизменными.

Он подозревается в совершении нескольких серьезных деяний, направленных против чужого имущества, каждое из которых может повлечь за собой заключение под стражу на период до десяти лет. В попытках

уклониться от правосудия, как считается, он прибегал к различным способам скрытия, включая смену места проживания и номеров телефонов. Зарегистрированным адресом его пребывания является адрес уничтоженного пожаром дома, фактически постоянного места жительства у него нет, и он продолжительное время избегал встречи с правоохранительными органами после того, как узнал о том, что его ищут. В свете этих обстоятельств следователь высказывает предположение, что его нахождение на свободе может быть временным.

Возможно, он уйдет от внимания правоохранительных органов, будет продолжать совершать незаконные акты, оказывать давление на жертв, свидетелей и всех, кто причастен к процессу судебного разбирательства [23].

В документе, выданном следователем, касающемся удлинения периода задержания, присутствует убедительное и подробное обоснование. Отмечается, что для завершения необходимых следственных мероприятий и с учетом существующих доказательств возможности бегства подозреваемого П., его потенциальной угрозы для жертв, свидетелей и других лиц, причастных к процессу, а также вероятности продолжения им противоправных действий, решение о продлении ареста кажется логичным. Кроме того, серьезность обвинений против П., включая совершение нескольких тяжелых преступлений, подчеркивает необходимость такого мероприятия. Все эти аргументы позволяют предположить, что поведение подозреваемого в будущем может быть неподобающим.

В процессе проведения начальных следственных действий было установлено, что подозреваемый по имени П. не обладает фиксированным адресом проживания. Он продолжительное время успешно избегал встречи с правоохранительными органами, осознав, что находится в списке разыскиваемых лиц. В дополнение, с намерением минимизировать риск привлечения к судебной ответственности, он прибегал к различным мерам скрытности, включая регулярную смену места проживания и контактных номеров телефона.

«Дальнейшее продление срока содержания под стражей в процессе досудебного производства по делу не разрешается. Обвиняемый должен быть немедленно освобожден. При этом УПК РФ предусматривает два исключения из этого правила:

- до момента окончания ознакомления с материалами уголовного дела в случае, если они были вручены обвиняемому и его защитнику не позднее, чем за 30 суток до истечения предельного срока содержания под стражей, но 30 суток для ознакомления с данными материалами им оказалось мало (ч. 7 ст. 109 УПК РФ);
- на срок до 6 месяцев, в случае истечения предельного срока содержания под стражей, когда лицо находилось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации, и необходимости производства предварительного расследования (ч. 11 ст. 109 УПК РФ)» [9, с. 57].

Нормативное регулирование сроков содержания под стражей на завершающем этапе предварительного следствия детально регламентируется положениями статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В соответствии с частью 5 указанной статьи, процессуальная обязанность следователя заключается в обязательном вручении материалов окончательного расследования уголовного дела обвиняемому и его защитнику не позднее чем за тридцать суток до истечения предельного срока содержания под стражей, установленного частями 2 и 3 данной статьи. В случае нарушения данного процессуального срока, выразившегося в предоставлении материалов по истечении указанного 30-суточного периода, закон предусматривает безусловную обязанность органов предварительного следствия немедленно освободить обвиняемого по достижении предельного срока содержания под стражей. При этом, как следует из части 6 статьи 109 УПК РФ, факт освобождения не препятствует дальнейшему осуществлению обвиняемым и его защитником права на ознакомление с материалами уголовного дела.

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации предусмотрен специальный механизм процессуального регулирования для случаев множественности субъектов обвинения, что находит свое отражение в части 7 статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Данная норма устанавливает особый порядок продления срока содержания под стражей при наличии нескольких обвиняемых по одному уголовному делу, находящихся под стражей на стадии ознакомления с материалами уголовного дела.

Указанная процессуальная конструкция демонстрирует стремление законодателя обеспечить баланс между необходимостью эффективного расследования групповых преступлений и защитой прав каждого обвиняемого, исключая как необоснованное затягивание следственных действий, так и произвольное ограничение свободы личности. Применение данного института требует от правоприменителя особой тщательности в оценке как фактических обстоятельств дела, так и соблюдения всех процессуальных гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Судебный контроль за рассматриваемой процедурой осуществляется в строго установленные сроки. В соответствии с требованиями закона, судебный орган обязан в пятидневный срок с момента поступления ходатайства принять одно из альтернативных решений, предусмотренных частью 8 статьи 109 УПК РФ. В рамках реализации предоставленной законом дискреционной власти, судебный орган при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей сталкивается с необходимостью принятия одного из двух альтернативных процессуальных решений, каждое из которых имеет существенные правовые последствия. Первый вариант предполагает удовлетворение ходатайства следственного органа с продлением срока содержания под стражей до момента полной реализации обвиняемым своего права на ознакомление с материалами уголовного дела, включая последующий этап направления завершеного уголовного дела прокурором в судебную инстанцию в порядке, предусмотренном статьей 222 УПК РФ.

Второй возможный вариант судебного решения выражается в отказе удовлетворения соответствующего ходатайства, что в силу императивных предписаний уголовно-процессуального закона влечет за собой безусловную обязанность органов предварительного расследования немедленно освободить обвиняемого из-под стражи, поскольку дальнейшее содержание его под стражей утрачивает законные основания.

При осуществлении данного дискреционного полномочия суд руководствуется комплексом критериев, установленных уголовно-процессуальным законодательством, включая оценку обоснованности продолжительности ознакомления с материалами дела, наличия или отсутствия оснований для применения именно данной меры пресечения, а также соответствия запрашиваемого продления принципам соразмерности и необходимости ограничения прав личности. Особое значение при этом приобретает проверка соблюдения следователем требований части 5 статьи 109 УПК РФ, касающихся своевременности подачи ходатайства о продлении срока содержания под стражей. Судебное решение в данном случае выступает важнейшим гарантом соблюдения баланса между интересами правосудия и защитой конституционных прав личности на свободу и неприкосновенность, что соответствует международным стандартам в области прав человека и фундаментальным принципам правового государства.

Указанная процессуальная регламентация направлена на обеспечение баланса между необходимостью эффективного расследования преступлений и недопустимостью необоснованного ограничения конституционных прав личности.

Это гарантирует участникам защиты возможность полноценного изучения всей совокупности собранных доказательств, что является необходимым условием для обеспечения права на защиту и состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Однако законодатель, учитывая необходимость соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, предусматривает механизм противодействия злоупотреблению данным

правом. В случаях, когда действия обвиняемого и его защитника демонстрируют признаки явного затягивания процесса ознакомления без объективных причин, следователь наделяется правом инициировать процедуру установления конкретного срока для завершения данного процессуального действия.

Особое значение при определении разумного срока приобретает анализ процессуального поведения участников стороны защиты, включая добросовестность реализации ими своих прав, интенсивность работы с материалами дела, соблюдение установленного порядка ознакомления, а также наличие или отсутствие признаков умышленного затягивания процесса.

Указанное полномочие следственного органа представляет собой важный механизм противодействия злоупотреблению процессуальными правами и обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, одновременно сохраняя баланс между необходимостью соблюдения разумных сроков судопроизводства и обеспечением права на защиту. При этом прекращение ознакомления с материалами дела не лишает сторону защиты права ходатайствовать о возобновлении данного процессуального действия при наличии вновь открывшихся обстоятельств или новых доказательств, что обеспечивает соблюдение принципа состязательности сторон в уголовном процессе. Реализация данного института требует от правоприменителей строгого соблюдения принципов законности, обоснованности и пропорциональности принимаемых процессуальных решений.

Такое решение должно быть мотивированным и основываться на объективном анализе причин неисполнения установленного судом срока, что является важной гарантией против произвольного ограничения права на защиту. Предусмотренный механизм обеспечивает баланс между необходимостью соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства и гарантией права обвиняемого на полноценную защиту.

В соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, периодическая проверка каждые три месяца на предмет необходимости дальнейшего удержания обвиняемого в заключении не представляет собой неоправданное нарушение личных свобод и прав. Этот процесс служит важным инструментом для обеспечения того, чтобы принудительное содержание под стражей было обосновано и соответствовало закону, а также гарантирует его прекращение, если убедительные аргументы в его поддержку больше не существуют.

Анализируя полученные данные, становится очевидным, что действующее в Уголовно-процессуальном кодексе РФ регламентирование сроков предварительного заключения способствует предотвращению необоснованного ограничения свобод и прав лиц, находящихся под следствием или обвинением, одновременно способствуя эффективности и оперативности уголовного процесса.

3.2 Проблема обеспечения прав участников процесса при применении мер пресечения

Применение мер пресечения в уголовном процессе Российской Федерации влечет за собой необходимость тщательного соблюдения прав личности. Вопросы обеспечения этих прав приходят на передний план, так как меры пресечения непосредственно влияют на основные права и свободы человека, включая право на свободу и личную неприкосновенность.

Одним из центральных аспектов обеспечения прав личности является принцип законности. Каждое применение меры пресечения должно строго соответствовать законодательству, что подразумевает не только наличие законных оснований для применения таких мер, но и строгое соблюдение процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом. Это предотвращает произвольное и необоснованное ограничение прав человека.

«Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает возможность и необходимость применения к лицам, совершившим преступления, мер уголовно-процессуального пресечения, что в конечном итоге должно обеспечивать законность и укреплять правопорядок в стране. Данная функция является конституционной обязанностью государства соблюдать и защищать права и свободы гражданина. В частности, ст. 6 УПК РФ прямо указывает на необходимость защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, что подразумевает защиту личности от необоснованного и незаконного лишения или ограничения гражданина в правах и свободах» [4, с. 183].

В контексте наиболее строгих ограничительных мер, влияющих на основные человеческие права и свободы (включая арест, содержание под домашним надзором, ограничения на совершение определенных действий), арест выделяется как наиболее распространенный. Если сравнивать, то арест применяется гораздо чаще, чем домашний арест, примерно в 14 раз. Все эти меры предполагают ограничения, в том числе на общение и взаимодействие с окружающими, на посещение различных мест и так далее, и имеют много общего.

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу сопряжено с существенными ограничениями конституционных прав и свобод личности, оказывающими комплексное негативное воздействие на физическое и психическое состояние индивида. В отличие от альтернативных мер процессуального принуждения, содержание под стражей предполагает изоляцию от общества, что влечет за собой выраженные психосоматические последствия, включая развитие тревожных расстройств, депрессивных состояний и иных форм психоэмоциональной дезадаптации. Особую актуальность данная проблема приобретает в случаях, когда лицо, в отношении которого избрана данная мера пресечения, демонстрирует осознание противоправного характера своих действий, проявляет готовность к ресоциализации и открыто сотрудничает с органами следствия.

С точки зрения пенитенциарной психологии, принудительная изоляция индивида, осознающего свою вину и стремящегося к исправлению, создает парадоксальную ситуацию, когда карательный элемент меры пресечения начинает превалировать над ее процессуально-обеспечительной функцией. Это приводит к формированию когнитивного диссонанса между осознанием вины и невозможностью реализовать установку на исправление в условиях содержания под стражей. Эмпирические исследования свидетельствуют, что подобное состояние способствует развитию синдрома выученной беспомощности, снижению мотивации к социально-позитивному поведению и деформации механизмов психологической компенсации.

С позиции уголовной политики, указанные последствия вступают в противоречие с принципом гуманизма, закрепленным в статье 7 УК РФ, а также с международными стандартами в области прав человека, предусматривающими, что ограничение свободы должно применяться лишь в случаях крайней необходимости. Особое значение данный аспект приобретает в контексте современных тенденций развития уголовного судопроизводства, ориентированных на дифференциацию мер процессуального принуждения и расширение применения альтернативных мер пресечения для лиц, не представляющих существенной общественной опасности и демонстрирующих готовность к ресоциализации.

С нашей точки зрения, активное внедрение мер, таких как домашний арест и ограничения на выполнение определенных действий, в качестве альтернативы содержанию под стражей, представляется крайне важным. Внедрение таких мер может создать определенные сложности для органов расследования, поскольку потребуются проведение дополнительных проверок и сбор информации, чтобы избежать отправления лиц под стражу. Тем не менее, учитывая долгосрочные цели реабилитации лиц, совершивших правонарушения, такой подход может быть обоснован.

Превышение использования содержания под стражей по сравнению с домашним арестом и ограничениями на определенные действия также связано

с организационными и техническими сложностями. Внедрение этих мер представляет собой относительно новую практику, требующую особых усилий для их эффективного осуществления.

Разработка и внедрение передовых систем мониторинга для наблюдения за лицами, ограниченными в свободе из-за домашнего ареста или наложения определенных запретов становится приоритетом. Важно также наладить процесс найма и обучения кадров в правоохранительных органах, чтобы они соответствовали высоким требованиям должности. Ключевым аспектом является улучшение подходов к контролю за соблюдением установленных ограничений для лиц, находящихся под следствием или обвиняемых в преступлениях.

В рамках принятия решений о применении таких мер как содержание под стражей, особое внимание следует уделять тому, что это средство должно задействоваться лишь в экстремальных обстоятельствах, когда речь идет об обвинениях в выполнении тяжких нарушений закона. Во всех остальных случаях, использование ареста должно рассматриваться как последний выход, когда существуют неопровержимые улики, подтверждающие неотложность таких мер.

Безусловно, пребывание в условиях заключения может сильно повлиять на личность, подвергнутую обвинению или подозрению, ведь соседство с другими заключенными в тюремной камере или камере предварительного заключения может оказать отрицательное воздействие на его поведение и взгляды.

В ответ на возможность возникновения определенных обстоятельств, законодательством было установлено требование разделять лиц, которые впервые сталкиваются с уголовным преследованием, от тех, кто уже имел опыт нахождения в исправительных учреждениях.

Одним из фундаментальных аспектов правового регулирования мер процессуального принуждения выступает гарантированное обеспечение права на защиту, закрепленное в статье 48 Конституции Российской Федерации и

детализированное в нормах уголовно-процессуального законодательства. Применение любой меры пресечения должно сопровождаться комплексом процессуальных гарантий, обеспечивающих реализацию права лица на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь.

Кроме того, принцип пропорциональности играет ключевую роль в обеспечении прав личности. Меры пресечения не должны быть более строгими, чем это необходимо для достижения целей, для которых они применяются. Это означает, что должен быть тщательно взвешен каждый случай применения меры пресечения с учетом всех обстоятельств дела, чтобы избежать излишнего ограничения свободы человека.

Также следует обратить внимание на соблюдение права на частную жизнь и достоинство личности в процессе применения мер пресечения. Например, при содержании под стражей необходимо уделять внимание условиям содержания, обеспечивать необходимый уровень медицинской помощи и защиту от жестокого обращения.

Одной из главных задач в контексте применения мер пресечения является предотвращение их необоснованного или излишне строгого применения, которое может привести к неоправданному ограничению свободы индивида. Ключевым аспектом является обеспечение того, чтобы меры пресечения не только соответствовали степени и характеру обвинения, но и были призваны служить конкретным целям, таким как предотвращение риска бегства, вмешательства в расследование или совершения новых преступлений. При этом важно, чтобы они не превышали то, что необходимо для достижения этих целей.

Таким образом, в контексте современной доктрины уголовного судопроизводства вопросы обеспечения гарантий прав личности при избрании мер процессуального принуждения приобретают фундаментальное значение, формируя системообразующий элемент всей конструкции уголовного правосудия. Проблема оптимального баланса между необходимостью эффективного расследования преступлений и неукоснительным соблюдением

правовых гарантий личности представляет собой сложную диалектическую взаимосвязь публичных и частных интересов в уголовном процессе.

Принцип соразмерности ограничения прав личности, заложенный в основе института мер пресечения, требует от судебных органов проведения тщательной многофакторной оценки, включающей анализ степени общественной опасности предполагаемого преступления, личности обвиняемого, его социальных связей, а также потенциальных последствий применения конкретной меры пресечения. Особую значимость приобретает последовательная реализация презумпции невиновности (статья 49 Конституции РФ, статья 14 УПК РФ), предполагающей, что любое ограничение прав лица, не признанного виновным вступившим в законную силу приговором суда, должно быть минимально необходимым и строго обоснованным.

Современные тенденции развития уголовно-процессуальной доктрины демонстрируют усиление акцента на гуманизацию мер процессуального принуждения, что находит отражение в расширении практики применения альтернативных мер пресечения и внедрении механизмов судебного контроля за законностью и обоснованностью ограничения свободы личности на досудебных стадиях производства. Данная парадигма соответствует как конституционным принципам правового государства (статья 1, 2, 18 Конституции РФ), так и международным стандартам справедливого правосудия, подчеркивающим приоритет защиты основных прав человека в любой деятельности правоохранительных и судебных органов.

3.3 Предложения по дальнейшему развитию института мер пресечения

Развитие института мер пресечения в уголовном процессе Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный процесс, влияющий на всю правовую систему страны. В будущем предвидится ряд изменений и

улучшений, направленных на укрепление правовых гарантий и оптимизацию применения мер пресечения.

Одним из основных направлений развития является усиление принципа пропорциональности и обоснованности применения мер пресечения. Это предполагает более строгое соблюдение критериев необходимости и достаточности в применении мер, а также расширение использования альтернативных мер, таких как домашний арест или залог, которые могут считаться менее инвазивными по сравнению с заключением под стражу.

Законодатель формулирует строгие критерии юридической техники при составлении судебного акта, предписывая обязательное включение в его мотивировочную часть объективных и верифицируемых данных, которые с необходимой степенью определенности подтверждают невозможность достижения целей уголовного судопроизводства посредством применения иных, менее репрессивных мер процессуального принуждения.

Законодательные предписания формируют систему сдержек и противовесов, призванных минимизировать риски произвольного ограничения свободы личности в уголовном процессе, требуя от судебных органов не формального, а содержательного анализа представленных материалов с обязательной оценкой соответствия избираемой меры пресечения критериям необходимости, соразмерности и обоснованности. Такая правовая конструкция отражает современную парадигму уголовного судопроизводства, в которой приоритетное значение придается балансу между эффективностью уголовного преследования и неукоснительным соблюдением гарантий прав личности в условиях правового государства.

«По нашему мнению, в приведенных положениях УПК РФ налицо несовершенство законодательного регулирования обоснования судьей необходимости избрания заключения под стражу, поскольку законодатель не требует доказанности представленных следователем (дознавателем) обстоятельств, установленных в ходе расследования» [32].

В рассматриваемом правовом контексте представляется необходимым закрепить в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации императивное требование о полном и всестороннем доказывании фактических обстоятельств, служащих правовым основанием для избрания конкретной меры пресечения, связанной с ограничением свободы обвиняемого (подозреваемого). Указанное доказывание должно осуществляться в строгом соответствии с принципами уголовного судопроизводства, включая допустимость доказательств (ст. 75 УПК РФ), их относимость (ст. 73 УПК РФ) и достаточность для принятия процессуального решения. При этом законодательное закрепление обязанности по представлению и обоснованию соответствующих доказательств должно быть возложено на органы предварительного расследования, поскольку именно они, в силу своей процессуальной функции (ст. 38 УПК РФ), обладают полномочиями по сбору, проверке и оценке доказательственной базы, необходимой для обоснования ходатайства об избрании меры пресечения. Такое нормативное регулирование соответствует принципу состязательности сторон (ч. 3 ст. 15 УПК РФ) и обеспечивает реализацию гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве, исключая возможность произвольного ограничения свободы без надлежащих правовых оснований.

«Также требуется пересмотреть нормы, касающиеся увеличения срока держания под стражей. В настоящее время, по умолчанию, суд районного уровня или военный гарнизонный суд может определить задержание на срок до двух месяцев. Далее, та же инстанция может продлить этот период до полугода, в то время как суд высшей инстанции имеет право увеличить его до года для дел, связанных с особо серьезными преступлениями и в случаях, когда расследование представляет особую сложность» [32].

Мы убеждены, что необходимо внимательно переосмыслить установленные временные рамки. Решение о продлении времени нахождения в предварительном заключении, которое принимается местным судебным органом, обычно не ограничивается однократным продлением до полугода. В

большинстве случаев этот процесс предполагает многократное рассмотрение одного вопроса в рамках одной инстанции, часто под судейством того же самого лица. Это особенно актуально для судов с ограниченным числом судей в штате.

В указанных процессуальных условиях возникает объективная вероятность формирования у судьи предубеждённого подхода, выражающегося в априорной уверенности в необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу без должного учёта и анализа возможных альтернативных мер ограничительного характера, предусмотренных статьёй 98 УПК РФ. Данная тенденция обусловлена когнитивными искажениями, в частности, эффектом анкерения (*anchoring bias*), когда первоначальная мера пресечения воспринимается как оптимальная, несмотря на изменение обстоятельств дела.

Кроме того, существует значительный риск проявления судьёй склонности к подтверждению ранее принятого решения (*confirmation bias*), а также к некритическому воспроизведению правовых позиций, изложенных в решениях других судей (эффект коллегиального влияния). Подобные психологические механизмы могут приводить к нарушению принципа независимости судебной власти (статья 120 Конституции РФ) и создавать предпосылки для субъективного воздействия на процесс принятия судебных решений.

Следовательно, целесообразно предоставить районным судебным инстанциям возможность увеличивать период задержания до четырех месяцев, при этом не допуская повторного рассмотрения дела о продлении ареста тем же судьёй. В то же время, судам областного уровня и аналогичным им, включая военные суды определенных регионов (флотов), следует разрешить продлевать арест до шести месяцев и более, если решение принимается коллегией из трех судей. Также необходимо наладить процесс вынесения и обжалования судебных постановлений о взятии под стражу, чтобы обеспечить более четкую и организованную процедуру.

Учитывая актуальность вопроса, предлагается внести дополнения в 108-ю статью Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающиеся детализации процесса выбора содержания под стражей как способа обеспечения правопорядка и возможности его оспаривания. Это включает в себя необходимость предоставления подозреваемым или обвиняемым и их защитникам доступа ко всем документам, связанным с запросом на их арест, возможность ознакомления с ними, а также обеспечение публичного рассмотрения таких запросов в суде с уведомлением и предоставлением права на апелляцию не только потерпевшим, но и другим заинтересованным сторонам. Аналогичные процедуры должны соблюдаться и при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения в процессе судебного разбирательства по уголовному делу, включая подробное информирование о правах на обжалование решений.

«В ст. 109 УПК РФ было бы логичным последовательно изложить порядок продления сроков ареста (сроки, субъекты (участники), стадии, действия и решения уполномоченных органов и должностных лиц, порядок обжалования и др.), а в ст. 110 УПК РФ более четко и последовательно предусмотреть положения об отмене или изменении рассматриваемой меры пресечения (в том числе с указанием конкретных процессуальных полномочий прокурора (военного прокурора) в связи с применением и отменой данной меры пресечения)» [21].

«В настоящее время при обжаловании первоначального решения районного судьи (гарнизонного военного суда) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу жалоба рассматривается единолично судьей вышестоящего суда (п. 2 ч. 3 ст. 30 УПК РФ). Такое положение следует оставить в силе, а при любом дальнейшем продлении срока содержания под стражей жалоба на это решение должна рассматриваться только коллегиально в составе трех судей» [5, с. 154].

«Такой подход будет способствовать исключению одностороннего подхода в рассмотрении жалобы, повысит объективность выносимых

решений, а также уровень доверия к выносимым судебной властью решений. Нередко суды принимают решения о продлении срока содержания под стражей в ситуации, когда жалоба на решение об избрании меры пресечения еще не нашла своего окончательного разрешения. Поэтому было бы обоснованным законодательно запретить судам рассматривать ходатайства о продлении срока содержания под стражей по любым мотивам, если поданная жалоба на избрание этой меры пресечения или ее продление не разрешена соответствующим судом» [9, с. 32].

«При реализации заключения под стражу важным является обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на свидание с защитником. Здесь положительным эффектом было бы исполнение предписаний закона, а именно - необходимо добиться неукоснительного соблюдения следующих требований УПК РФ:

- о свидании адвоката с подозреваемым до его допроса наедине и конфиденциально (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);
- о порядке осуществления свидания защитника с обвиняемым: наедине, конфиденциально, без ограничения числа свиданий и продолжительности (п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ)» [29, с. 107].

«Сейчас эти правила нередко нарушаются: существуют очереди для свиданий в СИЗО, сотрудники которого даже требуют разрешения следователя (дознателя) на свидание адвоката с подследственным, хотя нормы ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей ...» запрещают требовать подобные документы» [30].

В этом контексте стоит акцентировать внимание на необходимости обновления нормативно-правовой базы, касающейся работы следственных учреждений, включая внедрение мероприятий, направленных на повышение ответственности и законопослушности персонала этих учреждений. Важную роль в данном процессе должна играть прокуратура, осуществляющая контроль и надзор.

«Когда речь идет о рассмотрении уголовных дел судом, существующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, позволяющие суду по собственной инициативе решать вопросы о взятии под стражу или продлении срока задержания, вызывают вопросы в контексте обеспечения справедливого судопроизводства и равенства сторон перед законом. Эти моменты могут негативно сказаться на уровне общественного доверия к судебной системе.

Необходимо произвести корректировку законодательных документов, предписывающих, что ограничение свободы лица или продление срока его задержания должно инициироваться исключительно по требованию стороны обвинения. Встречаются ситуации, когда органы расследования обращаются за разрешением на арест вне своей стандартной компетенции. Это становится особенно заметным в контексте военных следственных органов, которым, согласно нынешнему законодательству, требуется подавать заявление в военный суд определенной воинской части для получения разрешения. Тем не менее, из-за специфики расположения и структуры воинских частей, порой бывает сложно выполнить поставленные задачи» [28, с. 97].

Следует акцентировать внимание на необходимости внесения изменений в законодательные акты, касающиеся уголовного процесса в РФ, чтобы дать возможность военным следователям обращаться за юридическим санкционированием действий в районные суды через официальные запросы. Опыт ведения боевых действий на территории Украины выявил проблематику в деятельности военных следственных органов, связанную с затруднениями в получении разрешений на применение определенных мер ограничения свободы из-за отсутствия возможности непосредственного обращения в военные судебные инстанции. В этой связи представляется целесообразным организовать работу специализированных судебных органов при военных гарнизонах в зонах активных боевых действий для обеспечения непрерывности правосудия.

Также крайне важно сфокусироваться на повышении уровня правовой грамотности и профессионального образования среди работников правоохранительных структур и судебной системы, особенно в аспекте использования различных средств правового воздействия. Углубленное изучение законодательства, укрепление этических норм и повышение квалификации могут способствовать более обдуманному и справедливому применению законных мер, учитывая права человека и основополагающие принципы справедливости.

Таким образом, перспективы развития института мер пресечения в уголовном процессе РФ направлены на создание более сбалансированной системы, которая обеспечивает эффективное судопроизводство при одновременном укреплении защиты прав и свобод личности. Эти изменения стремятся к тому, чтобы превратить меры пресечения из простого инструмента ограничения в инструмент, способствующий более широким целям правосудия и справедливости.

Заключение

Проведенный анализ института мер пресечения в уголовном судопроизводстве позволяет сформулировать ряд принципиальных положений, имеющих существенное значение для теории и практики уголовного процесса.

Прежде всего, следует констатировать, что правовой порядок применения мер пресечения характеризуется строгой нормативной регламентацией, предполагающей соответствие процессуальных действий следственных и судебных органов требованиям действующего законодательства. Ключевыми целями применения данных мер выступают: обеспечение явки участников процесса, минимизация рисков совершения новых преступлений, а также предотвращение возможного противодействия установлению фактических обстоятельств по делу или исполнению судебного решения.

Институт мер пресечения занимает центральное место в системе уголовной юстиции, выполняя двоякую функцию. С одной стороны, он служит инструментом обеспечения стабильности уголовного судопроизводства, а с другой – выступает гарантом баланса между публичными интересами и правами личности. Как демонстрирует анализ отечественной правоприменительной практики, эффективность реализации данного института напрямую зависит от профессиональных качеств и процессуальной культуры должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Особого внимания заслуживает предложение о дифференциации сроков содержания под стражей в зависимости от категории тяжести инкриминируемого деяния. Разработанная авторами градация, предусматривающая максимальные сроки задержания в размере 2 месяцев для малозначительных правонарушений, 4 месяцев – для преступлений средней тяжести, 8 месяцев – для тяжких и 12 месяцев – для особо тяжких

преступлений (с учётом времени на следственные действия и судебное рассмотрение), представляется обоснованным механизмом гармонизации интересов правосудия и защиты личности. По истечении установленных сроков целесообразным видится применение альтернативных, менее репрессивных мер процессуального принуждения.

Совершенствование системы мер пресечения остаётся одной из наиболее актуальных проблем современного уголовного процесса России, особенно в контексте обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых. В данном аспекте представляет научный и практический интерес позитивный опыт других стран постсоветского пространства, демонстрирующий возможность построения более сбалансированной модели процессуального принуждения.

Перспективным направлением реформирования рассматриваемого института видится:

- проведение комплексного анализа законодательных положений, регулирующих основания и порядок применения мер пресечения;
- четкая фиксация в нормах УПК РФ исчерпывающего перечня обстоятельств, обосновывающих необходимость ограничения свободы;
- усиление судебного контроля за законностью процессуальных решений следственных органов.

Особую значимость приобретает дальнейшая разработка правового статуса обвиняемого, поскольку именно его процессуальное положение определяет допустимые пределы ограничений и обеспечивает оптимальное сочетание эффективности уголовного преследования и гарантий защиты личности от необоснованного вмешательства государства.

Таким образом, совершенствование института мер пресечения требует системного подхода, сочетающего как оптимизацию законодательных конструкций, так и развитие процессуальных гарантий, обеспечивающих реализацию принципов справедливого правосудия.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алексеев И.М., Соболев А.В. Актуальные проблемы применения меры пресечения // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 173-176.
2. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда № 22-2268/2019 от 6 ноября 2019 г. по делу № 22-2268/2019 [Электронный ресурс]. – URL : <https://sudact.ru/> (дата обращения 11.04.2025).
3. Барабаш А.С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание / А.С. Барабаш // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С.11-17.
4. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе / А.С. Барабаш // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 182-187.
5. Бегова Д.Я., Магомедова К.Р. Судебная природа меры пресечения в виде заключения под стражу // Закон и право. 2024. № 1. С. 153-156.
6. Вдовцев П.Н. Некоторые проблемные вопросы применения залога в качестве меры пресечения / П.Н. Вдовцев // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 7-12.
7. Власова В.С. Тактические особенности избрания меры пресечения при расследовании в условиях введения ограничительных мер // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности. 2022. С. 12-15.
8. Галдин М.В. О применении меры пресечения в виде залога / М.В. Галдин // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 129-135.
9. Горбатов И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 57-64.
10. Гриненко А.В., Латыпова Е.У. Институт залога в уголовно-процессуальном и финансовом праве: общие черты и особенности /

А.В. Гриненко // Международное уголовное право и Международная юстиция. 2013. № 4. С. 24-28.

11. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29.11.1985 г.) [Электронный ресурс]. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения 11.04.2025).

12. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики): Монография / З.З. Зинатуллин. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 152 с.

13. Касымов А.А. Меры пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве / А.А. Касымов // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 87-93.

14. Качалова О.В. Поощрение и меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве // Поощрение как метод уголовно-процессуального регулирования. 2023. С. 27-33.

15. Кокорева Л.В. Процессуальное значение оснований и цели применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве / Л.В. Кокорева // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 101-105.

16. Коркунов В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: монография / В.М. Коркунов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 117 с.

17. Кутуев Э.К. Уголовный процесс: учебник. М. : Феникс, 2019. 640 с.

18. Lupinskaya P.A. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник. М. : Проспект, 2013. 210 с.

19. Материал надзорного производства по уголовному делу № 22047 по обвинению П. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 162 УК РФ // Архив Прокуратуры Октябрьского района г. Саратова за 2017 год.

20. Мальцагов И.Д. Терминологическое значение понятия «Мера пресечения» / И.Д. Мальцагов // Научный журнал «Аллея Наук». 2019. № 1. С. 59-65.

21. Манова М.С. О соотношении оснований и целей применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве / М.С. Манова // Право. Закон. Личность. 2014. № 2. С. 58-62.

22. Орлов А.В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития / А.В. Орлов // Вестник СЮИ. 2017. № 3. С. 83-88.

23. Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2003 г. № 173-О «По жалобе гражданина Коваля Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL : <https://sudact.ru/> (дата обращения 11.04.2025).

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС КонсультантПлюс.

25. Пикалов И.А. Становление института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России (исторический аспект): Монография / И.А. Пикалов. - М. : Юрлитинформ. 2020. 89 с.

26. Рogaва И.Г. К вопросу о целях мер пресечения / И.Г. Рogaва // МЦНС «Наука и просвещение». 2018. № 2. С. 176-181.

27. Рочева Ю.А., Аширбекова М.Т. Домашний арест как мера пресечения: отечественный и зарубежный опыт // Инновационная наука. 2023. №. 10-2. С. 64-66.

28. Рудич В.В. К вопросу о ведомственном процессуальном контроле при принятии решения о применении меры пресечения по преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 3 (37). С. 17-23.

29. Румянцева М.О. Проблемы реализации меры пресечения // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 7. №. 4. С. 106-114.

30. Состояние преступности за январь - декабрь 2019-2023 гг. [Электронный ресурс]. - URL: <http://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения 11.04.2025).

31. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву: учебник. В 3 т. М. : Изд-во «Наука», 1970. Т. 3. 915 с.

32. Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России: Монография. Челябинск : Изд-во ЮурГУ, 2022. 105 с.

33. Токарева М.Е. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам: Монография / М.Е. Токарева. - М. : Юрлитинформ, 2021. 122 с.

34. Трефилов А.А. Организация досудебного производства по УПК: дисс ... канд. юрид .наук. М., 2014. 312 с.

35. Трунова Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: автореферат. ... д.ю.н. М., 2022. 68 с.

36. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года. № 174-ФЗ: по состоянию на 30 апреля 2021 г. // Российская газета. № 2861. 2001. 22 декабря.

37. Фараджов Т.А. Заключение под стражу. Некоторые проблемы применения данной меры пресечения //Вестник науки. 2023. Т. 4. № 5 (62). С. 550-559.

38. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/ (дата обращения 11.04.2025).

39. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7270/ (дата обращения 11.04.2025).

40. Фокин А.С. Проблемы и тенденции совершенствования института залога в Российском уголовном процессе: автореф. ... к. ю. н. Ростов-на-Дону, 2007. 23 с.

41. Харзинова В.М. Актуальные проблемы применения меры пресечения / В.М. Харзинова // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 193-198.

42. Чернова С.С. Основания избрания мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 57-65.

43. Чубуков Б.А., Костенко Д.С. Соотношение правовой природы домашнего ареста и запрета определенных действий в контексте развития института мер пресечения в Российской Федерации // Legal Bulletin. 2023. Т. 8. № 2. С. 64-75.

44. Alschuler, A. Preventive pretrial detention and the failure of interest balancing approaches to due process // Michigan Law Review. – Vol. 85. – No. 3. – 1986. 569 p. // URL: <https://repository.law.umich.edu/mlr/vol85/iss3/10> (дата обращения 08.04.2025).

45. Ashworth, A., Redmayne M. The criminal process, 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2010. 470 p.

46. Cape, E., Smith, T. The practice of pre-trial detention in England and Wales: Research report. Project Report // University of the West of England, Bristol, 2016. 118 p.

47. Pretrial Detention and Torture: Why Pretrial Detainees Face the Greatest Risk // Martin Schönteich [Published by Open Society Foundations]. 2011. 64 p. //

URL: <https://www.justiceinitiative.org/uploads/4c3491a1-f7a1-4.pdf> (дата обращения 08.04.2025).

48. Stevenson M., Mayson S. Pre-trial Detention and Bail // In Academy for Justice (Erik Luna ed., forthcoming 2017) // URL: https://law.asu.edu/sites/default/files/pdf/academy_for_justice/2_Reforming-Criminal-Justice_Vol_3_Pretial-Detention-and-Bail.pdf (дата обращения 08.04.2025).